

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

РАНДЕВУ С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Рандеву с петлей на шее (сборник)

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Рандеву с петлей на шее (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2016 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-91256-8

На собственной даче бельевой веревкой задушен преуспевающий риелтор Алексей Водопьянов. Вдова погибшего настаивает, чтобы дело расследовал полковник МУРа Лев Гуров. Вместе со своим другом и коллегой Станиславом Крячко Гуров начинает отрабатывать возможные версии преступления. Выясняется, что смерть эта была выгодна многим из окружения бизнесмена. Но циничность замысла убийцы поразила даже выдавших виды сыщиков.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91256-8

© Леонов Н. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Рандеву с петлей на шее	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Леонов

Рандеву с петлей на шее

* * *

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Рандеву с петлей на шее

Глава 1

Тот день ничем не радовал. Несмотря на заканчивавшийся март, за окном было серо и сумрачно, температура резко пошла на понижение, и снег, казалось бы, сошедший на «нет», вдруг возобновился. Начальник Главного управления генерал-лейтенант Орлов с утра устроил длинную планерку, сообщив о грядущей проверке, в преддверии которой, на всякий случай, устроил разнос абсолютно всем своим подчиненным – начиная от «зеленых» сержантов и заканчивая операми-«важняками», к коим относились даже такие зубры уголовного сыска, как полковники Гуров и Крячко.

Когда генерал-лейтенант наконец немного успокоился и закончил планерку, он отправил всех «приводить дела в порядок», что оказалось весьма многогранным поручением. Сержантов и прочих тупо отправили убирать территорию – как вокруг главка, так и внутри. Тех, кто постарше возрастом и званием, Орлов засадил «подчищать» дела – приводить их в состояние готовности для передачи в суд. Гуров и Крячко гадали, какая же миссия выпадет на их долю. Каждый в душе надеялся, что уж для своих любимцев генерал-лейтенант припасет непосредственное раскрытие дела, то есть взятие злодея с поличным. При этом, как фокусник, вытащит этого самого злодея, как туза из рукава, и Гурову с Крячко останется только взять его «тепленьким», предъявив услужливо представленную тем же Орловым доказательную базу.

Увы, генерал-лейтенант не был настроен на столь щедрые подарки. Гурову с Крячко он велел рассортировать все дела с начала года, и те из них, что можно закрыть, как можно скорее «довести до ума», даже если для этого придется немного «подкорректировать» показания свидетелей, а для этого «интенсивно с ними поработать»... Дела же, прочно застрявшие в «висяках», по возможности вытянуть и перевести в разряд «находящихся в процессе раскрытия». Таким образом Петр Николаевич существенно увеличивал статистические показатели раскрываемости по главку.

Гуров с Крячко сделали, что могли, благо дел с начала года было немного. Пока «низы» драили туалеты, сбивали уцелевшие сосульки с крыш и протирали пыльные шкафы, «верхи», вооружившись авторучками и напрягая мозговые извилины, старательно переписывали документы, составляя по каждому из них подробный отчет.

Особенно страдал от подобного занятия Станислав Крячко – человек, категорически не водивший дружбу ни с пером, ни с бумагой. Стилистика тоже не являлась коньком Крячко. Единственное, что имелось у него для такой работы, – это извилины, но и они были направлены у Крячко совсем в другую сторону. Поэтому за день он извелся сам, извел гору бумаги, а также своего друга Льва Гурова, к которому постоянно апеллировал то с жалобами на начальство, то с просьбой помочь составить «хотя бы одну, последнюю несчастную бумажонку».

Гуров, которому в течение всего дня приходилось составлять собственные бесконечные отчеты, чертыхался и отказывался, но Крячко так наседал, что проще было помочь и отвязаться, что полковник и делал. В итоге он, по сути, проводил двойную работу, и за себя, и за Крячко, так что, когда Станислав в шесть часов вечера заявил, что его рабочий день окончен, махнул рукой и был только рад, что его напарник убыл.

Сам же Гуров задержался в кабинете до полуночи. Генерал-лейтенант Орлов пару раз заглянул, поинтересовался, почему это Лев сидит в одиночестве, и даже хотел позвонить Крячко и в приказном порядке потребовать его возвращения, но полковник сквозь зубы отказывался, а когда Орлов попытался зайти в кабинет в третий раз, выразительно и четко попро-

сил генерал-лейтенанта отправиться... в общем, оставить его в покое. Орлов проявил благо-разумие и больше Гурова не трогал.

Около полуночи полковник откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Справа от него высилась стопка перелопаченных документов, которые в результате его кропотливой работы не только соответствовали критериям Орлова, но и превосходили их.

Он потерял виски. Тупо ныла голова, шею ломило от непрерывного сидения в одном положении, и ему хотелось лишь поскорее покинуть стены Главного управления МВД и оказаться дома, перед телевизором, который он вообще-то почти не смотрел, с чашкой крепкого чая и ужином, приготовленным женой Марией. У нее как раз должен был быть свободный вечер, так как сегодняшний спектакль выпускали вторым составом и вместо нее играла дублерша. Мария служила в театре и была одной из ведущих актрис. Из-за этого обстоятельства она редко бывала дома по вечерам, а еще реже им с мужем удавалось совместить выходные. И вот как раз сегодня можно было это сделать, но тут Орлов со своей грозящей проверкой вмешался и испортил Гурову семейный вечер.

Решив спасти хотя бы его остаток, полковник решительно снял с вешалки пальто, запер кабинет и вышел на улицу. К ночи поднялся ветер и выпал мокрый снег. Гуров, втянув непокрытую голову в плечи, почти бегом добежал до своей машины, сел за руль и сразу включил печку.

«Вот тебе и весна! – подумал он. – Хотя, впрочем, еще рано делать прогнозы».

Полковник март не любил. Он любил весну позднюю, уже отшумевшую ручьями, отгалдевшую гомоном птиц, ошалевших от солнечного света, отлившую холодными дождями. Любил спокойный теплый май, благоухание первых цветов и прохладные светлые ночи.

Но сейчас до этого благодатного времени было еще далеко, месяца полтора, и погода за окном мало походила на всплывшую в сознании Гурова живописную картинку. А ведь еще неделю назад казалось, что весна обосновалась в столице всерьез и надолго: солнце не только растопило слежавшийся снег, но и высушило образовавшиеся лужи, температура поднялась до плюс десяти, и многие москвичи поспешили сменить надоевшие тяжелые зимние куртки, пуховики и шубы на легкие пальто и даже плащи. Но зима напоследок взяла свое: в один миг температура упала ниже нуля, задул противный ветер, вихрем пронеслась метель, осыпая город комьями нового снега, неумолимо превращающегося в сугробы...

Морозы стояли несколько дней, потом снова все начало таять, но настоящее тепло так и не наступило. Столбик термометра болтался около нулевой отметки, и то, что подморозило за ночь, к утру снова расквашивалось.

Самым обидным было то, что Гуров, поддавшись всеобщей эйфории, еще в середине марта сменил зимнюю резину на летнюю и сейчас явственно ощущал, как поспешил. Он вспоминал собственные насмешки над Станиславом Крячко, которого, как обычно, «жаба душила», и он протянул с заменой как раз на зимнюю резину, сделав это только под конец января, а до этого предпочитая пользоваться машиной как можно реже, и сейчас остро завидовал Стасу. Да, на сей раз Крячко оказался предусмотрительнее... Но что сделано, то сделано, и Гурову оставалось лишь нажать педаль газа и направить автомобиль по мокрому асфальту в сторону Садового кольца.

Он ехал и старался утешать себя чем-нибудь приятным – например, мыслью о горячем ужине, а также о том, что в его задержке на службе есть определенный плюс: улицы к ночи уже поредели, и ехать было довольно свободно. Это куда лучше, чем в семь часов вечера стоять намертво зажатый в жуткой пробке, двигаясь в «час по чайной ложке». Гуров иногда даже специально задерживался на работе, чтобы пересидеть этот период. Станислав Крячко в таких случаях поступал просто: либо ездил на метро, либо вообще ходил пешком, считая, что восемь кварталов – это всего ничего и что, протопав их на «своих двоих», он окажется дома куда раньше, чем если бы добирался на автомобиле. В рассуждениях Крячко был определенный

смысл, но Гуров никак не мог переступить через себя и ехать на метро. Отнюдь не потому, что он был таким уж снобом, просто сама мысль остаться в течение рабочего дня без машины приводила его в панику.

Крячко же подобные вопросы никогда не смущали, на случай острой необходимости у него были припасены разные варианты, как то: воспользоваться служебной машиной, а если повезет, то и с водителем, тормознуть первого попавшегося частника и, сунув ему в лицо удостоверение, потребовать довезти до нужного места, на крайний случай – вызвать такси, с дальнейшим требованием к генерал-лейтенанту Орлову возместить ему личные материальные затраты. Впрочем, Крячко вполне мог, ничуть не смущаясь, не заплатить и таксисту, вместо денег сердечно пожав ему руку и поблагодарив за тесное сотрудничество с правоохранительными органами...

Гуров ехал довольно быстро, останавливаясь лишь на светофорах, – хотелось поскорее попасть домой, и дорога вполне это позволяла. За его спиной замаячил темный джип, двигавшийся как-то нервно. Он постоянно повышал скорость, норовя подрезать автомобиль Гурова, но в последний момент тормозил и оставлял свои попытки. Это ерзанье немного раздражало полковника, и он бы с удовольствием пропустил джип вперед, но к этому моменту выехал на довольно узкую улицу с двусторонним движением, и двоим им было не разойтись.

Остановившись на одном из перекрестков, он ждал переключения сигнала на зеленый, однако, едва светофор мигнул желтым, как стоявший сзади джип вдруг резко дернулся вперед. Гуров едва успел крутануть руль влево, и рванувшая вперед машина чиркнула по бамперу. Он выругался и остановился. Джип тоже затормозил, взвизгнув шинами, из приоткрывшейся двери показалось озабоченное лицо водителя:

– Вы нормально?

Гуров не ответил. Выйдя из машины, он осматривал нанесенные ей повреждения. По счастью, они оказались не слишком существенными: о лихачестве водителя джипа напоминала лишь темная полоса на светлом бампере.

– Простите, ради бога! – торопливо подошел к нему высокий крупный мужчина в развевающемся на ветру распахнутом плаще, без головного убора. Густые волосы тоже трепал ветер, но мужчина не обращал на это никакого внимания, поглощенный произошедшим эпизодом. – Ей-богу, не нарочно! Просто тороплюсь. Давайте решим все мирно, без полиции. Я вам все компенсирую, не волнуйтесь! – И он полез в карман плаща.

Гуров почувствовал исходящий от него запах алкоголя и, нахмурившись, резко спросил:

– Вы что, пили за рулем?

– Совсем чуть-чуть, – слегка улыбнулся краем рта мужчина. – Один бокал вина, за компанию. С приятелем встречался, и... – Он виновато развел руками. – Сколько я вам должен?

Гуров в задумчивости кусал губу. Мужчина достал из кармана бумажник, вытащил из него две пятитысячные купюры и вопросительно посмотрел на полковника. «Хватит?» – вопрошал его взгляд.

Однако Гуров размышлял совсем не над этим. Он думал, сообщать ли знакомым дэпэ-эсникам об этом инциденте или все-таки отпустить мужика восвояси.

– И часто вы за руль садитесь после приема алкоголя? – спросил он.

– Нет, ну, что вы! Говорю же, случайно получилось! Больше запаха, чем алкоголя.

– Мне не понравилось, как вы вели машину, – покачал головой полковник. – Нервничали, суетились...

– Да это я просто под впечатлением от разговора. У приятеля проблемы образовались, вот и...

Гуров внимательно посмотрел мужчине в лицо. Глаза его были трезвыми, зрачки абсолютно нормальными, речь твердая, поведение адекватное...

– Вам куда ехать?

– Да я почти приехал! Вон за тем углом мой дом, – показал рукой мужчина.

– Ладно, езжайте, – выдохнул Лев – ему самому совсем не с руки было возиться с этим мужчиной, дожидаться приезда ДПС и объясняться с ними. – Только не пейте больше за рулем. В следующий раз я не буду столь лоялен.

– Договорились! – Мужчина подмигнул ему и снова спросил: – Так сколько я вам должен?

Гуров махнул рукой, вернулся к своей машине и, обогнув джип, поехал дальше.

– Спасибо! – донеслось ему вслед.

Лев даже не обернулся, так хотелось поскорее добраться домой. Припарковав машину, он быстро поднялся на лифте к себе и открыл дверь. В квартире было темно. Решив, что Мария уже спит, он осторожно разулся и прошел на кухню. По очереди открывая крышки кастрюль, убедился, что все они почти пусты. Затем открыл холодильник – ничего нового за сегодняшний день в нем не появилось, Лев почувствовал себя несколько разочарованным. Нет, приготовить ужин он и сам был в состоянии. Его, во-первых, расстроило отсутствие дома жены, что лишало остатков надежды на совместный вечер, а во-вторых, охватило легкое недоумение – где она может быть?

Гуров поставил на плиту сковородку, нарезал ветчину и аккуратно, по очереди, разбил сверху три яйца. Потянувшись левой рукой, достал телефон и стал набирать номер жены. Вдруг со стороны прихожей послышалось звяканье ключей.

– Ой, как вкусно пахнет! Гуров! Ты готовишь ужин? Ну, какой же ты молодец! Я такая голодная! – раздался голос Марии.

Он быстро убрал телефон, разбил в сковородку еще три яйца и шутливо спросил:

– Ты лучше скажи, где в то время, когда образцовый муж готовит ужин, бродит его блудная жена?

– Я в театре была, – войдя в кухню, сообщила Мария и присела на табурет.

– В театре? – удивился Гуров. – Сегодня же второй состав играет? Или дублерша заболела? Эпидемия гриппа вроде бы прошла уже, и даже почти без смертельных исходов...

– Нет, нет, никто не заболел и не умер, не переживай! – Мария подтянула к себе мисочку с сухариками, двумя пальцами стала их выуживать и по одному отправлять в рот. – Просто мне позвонила одна давняя знакомая, хотела прийти на спектакль... Я ответила, что сегодня не играю, тогда она предложила встретиться просто так.

– Зачем? – поднял брови Гуров.

– Просто так, – повторила Мария и развела руками: – Знаешь, мне показалось, что она просто ищет повод. У нее неприятности, и ей хотелось с кем-то поделиться. Одним словом, я поехала в театр, мы посмотрели спектакль, потом поговорили, потом был небольшой банкет... В общем, вот так и получилось, что я свой свободный вечер провела в театре!

– Ясно, – вздохнул Лев. – И хотел бы сказать с упреком, что ждал тебя весь вечер дома, да привычка говорить правду не дает.

– Гуров! – Мария снисходительно посмотрела на него. – Ты думаешь, я не поняла, что ты весь вечер проторчал в своем главке? Если бы ты был дома, то уже давно бы позвонил. А так ты чувствовал себя виноватым и сам не хотел слушать мои упреки!

– Ух ты, мой Пинкертон! – засмеялся он. – Тебя бы к нам в главк, следователям помогать!

– Нет уж, увольте! – подняла руки Мария. – Мне и в театре неплохо.

– Ну ладно, давай хоть поужинаем вместе. – Гуров принялся раскладывать приготовленную яичницу по тарелкам. – А тебя что, на банкете не покормили?

– Гуров! – с изумлением посмотрела на мужа Мария. – Ты что, меня подозреваешь в чем-то?

– Машенька, если бы я подозревал, то не стал бы так открыто это демонстрировать, – усмехнулся Лев.

– Нет уж, давай я объясню! На банкете я больше слушала рассказы Маргариты о ее неприятностях. У нее муж завел любовницу. Представляешь?

– И только-то? Это все неприятности?

– А ты считаешь, этого мало? Причем ладно бы какая-то мимолетная связь, но он перешел все границы. Поселил эту девицу в съемной квартире, регулярно навещает... И, главное, они прожили вместе двадцать лет, у них трое взрослых детей. Точнее, двое ее, а третий общий. То есть третья дочка.

– Обычная история, – заметил Гуров, которому все это было не слишком интересно. – Нагуляется и вернется.

Мария иногда делилась с ним рассказами о всяких перипетиях личной жизни коллег – театр был насыщенным на такие события местом, – но обычно мимоходом. А тут вообще не коллега, а какая-то знакомая, о которой Гуров раньше и не слышал.

– Вот и я ей то же самое сказала, – продолжала тем временем жена. – Нагуляется и вернется. Скорее всего он сам надоеет этой девице, та найдет кого-нибудь помоложе, а Алексей, поджав хвост, вернется к законной супруге. Тем более что он все эти годы относился к ней более чем хорошо. Сразу было видно – любовь! – вздохнула она.

– На тебя весна, что ли, так действует? – с удивлением посмотрел на нее Гуров. – Ты обычно не склонна к романтическим воздыханиям. И откуда ты, кстати, знаешь подробности их отношений?

– Так я сама наблюдала! Мы же познакомились довольно давно. Кстати, интересная история, я тебе не рассказывала? Это было... – Мария закатила глаза. – О боже, лет двадцать уже прошло – выговорить страшно! Я тогда с вечернего спектакля возвращалась, ну, и пристал ко мне какой-то подвыпивший тип. Причем настроен был очень агрессивно! Я уже не знала, как от него отделаться, и, как назло, на улице никого! Тут вдруг останавливается машина, из нее выходит мужчина и решительно направляется ко мне. Берет за руку и ведет к своему автомобилю. Тот мужик начал возникать, так он ему разок двинул под дых, тот и умолк.

– И что? – хмыкнул Гуров. Он никогда не слышал от жены этой истории.

– Ничего. Довез меня до дома, пожелал удачи и посоветовал не ходить одной по темным улицам.

– Надо же, у тебя, оказывается, все эти годы был тайный поклонник! – с притворным восхищением воскликнул Лев.

– Гуров! Он был с женой! Как раз вот с Маргаритой. Так получилось, что мы стали общаться. С ней, я имею в виду, а не с ним.

– А почему ты меня с ними никогда не знакомила?

– Потому что люди слишком разные. Вы бы точно не нашли общего языка. Он бизнесмен, у него своя риелторская контора, кажется. Словом, тебе бы это было неинтересно. Да и Маргариту, если честно, я не могу назвать подругой. Скорее она ко мне тянулась, чем я к ней. Думаю, ей, во-первых, льстило знакомство с актрисой, а во-вторых, просто было скучно. Она приходила на мои спектакли, потом мы с ней иногда сидели вместе в кафе, болтали ни о чем. И вдруг сегодня она делится со мной таким откровением! Видно, действительно здорово переживает.

– Ну, люди взрослые, сами разберутся, – подвел итог Гуров.

– Да, наверное, – согласилась Мария. – Слушай, а где у нас чай?

На следующий день в главке все сияло. Офицеры и младший состав ходили по струнке, в парадной форме, начищенные и прямые, будто проглотили метровую деревянную линейку, и готовые отдать честь в любой момент. Генерал-лейтенант Орлов периодически совершал вылазки из своего кабинета, прохаживался по коридору и постоянно, со старицкой занудной кропотливостью, выискивал все новые огрехи – по сути своей ничтожные, но ему казавшиеся верхом безобразия. То ему мерещилось, что на полу, если посмотреть под определен-

ным углом, блестят полосы от не слишком тщательно вытертого пола, то воротничок кого-нибудь из сотрудников выглядел не слишком жестким, то лишняя пуговица на рубашке была расстегнута...

Заметив «нарушение», Орлов немедленно останавливался и долго распекал проштрафившегося, требуя немедленного устранения недостатка. При этом он постоянно поглядывал на часы. Ситуация осложнялась тем, что ему точно не сообщили не только время, но и дату, когда прибудет злополучная проверка, лишь намекнули, что «в ближайшее время», и посоветовали готовиться. По мнению всего главка, подготовлено и так все было на высшем уровне, и любые дополнения лишь портили дело и трепали нервы сотрудников. Но Орлова было не переубедить, настроение его стало почти параноидальным.

Гуров и Крячко благоразумно сидели в своем кабинете, стараясь лишний раз не попадаться генералу на глаза, и откровенно бездельничали. Они даже не пошли на обед, подкрепившись предусмотрительно захваченными из дома бутербродами, к которым Станислав присовокупил еще и испеченные женой пирожки. Сытый и довольный, Крячко читал газету «Спорт-экспресс», попивая кока-колу из большой бутылки. Потом он принялся разгадывать кроссворд в старой «Комсомолке», Гуров же залез в Интернет и просматривал разные интересные сайты, на которые раньше вечно не хватало времени. К примеру, нашел статью «100 любопытных фактов из жизни великих людей» и с головой погрузился в нее.

– Химическое вещество, четыре буквы! – громко произнес Крячко из своего угла.

Лев не отреагировал, увлеченный чтением подробностей жизни Чарли Чаплина, с удивлением отмечая, что играть в театре великий актер начал в четырнадцать лет, а читать научился только в шестнадцать...

– На «а» заканчивается! – повысив голос, попытался привлечь внимание к своей персоне Крячко.

– Кола, – не отрываясь от чтения, бросил Гуров, чтобы Крячко отстал от него.

– Ко-ла, – по слогам повторил Стас, водя карандашным огрызком по клеткам. – Слушай, а я и не сообразил, что так просто! – воскликнул он.

Спустя пару минут Крячко завопил на стуле и снова обратился к Гурову:

– Лева, а ты уверен насчет колы?

– Насчет какой колы? – оторвался тот от экрана.

– Насчет химического вещества! У меня по вертикали на «с» должно начинаться, а тут «к»!

– Чего? – Гуров откинулся на спинку стула и расхохотался: – Ты что, всерьез, что ли, «кола» написал?

– Ну да, а что? – пожал плечами Крячко.

– Сотри, Станислав, – отсмеявшись, посоветовал Гуров. – Я пошутил.

– Ну, елы-палы! Лева, я к тебе как к другу, а ты! Дело ж серьезное! Чем я сотру, у меня резинки нет?

Гуров не успел ответить – у него зазвонил сотовый. Это была Мария.

– Да, Машенька, – ответил он, несколько удивленный: обычно жена не звонила ему на службу, тем более под вечер, когда готовилась к спектаклю.

– Слушай, Гуров... – Голос ее звучал немного неуверенно. – Тут такое дело... Помнишь, я тебе рассказывала вчера про семью Водопьяновых?

– Нет, не помню, – искренне ответил Гуров.

– Ну как же! Алексей и Маргарита. Мы с ней вчера встречались!

– А, ну да, – слегка поморщился Гуров, поскольку эта чета интуитивно не слишком ему нравилась, даже заочно. – И что?

– Слушай, тут такое произошло... – Мария перешла на шепот: – В общем, Алексей умер.

– И что? – повторил Гуров, никак не беря в толк, какое это имеет отношение к нему.

– Его убили. Убили на собственной даче. Маргарита позвонила мне в истерике. Она просит помочь.

– Кого? Тебя? Чем? – коротко задал Гуров сразу три вопроса.

– Нет, она... Она хочет, чтобы ты помог.

– Ас чего она взяла, что я могу помочь? – еще больше удивился Гуров. – И чем? Воскресить ее мужа? Я, знаешь ли, не Христос.

– Нет, это я ей рассказывала, что у меня муж работает на Петровке, – виноватым голосом продолжала Мария. – Но я же не знала, что ей понадобится... Просто не делала из этого тайны!

– Слушай, Маша, я так и не понял, что конкретно ты хочешь?

Мария выдохнула, как водолаз перед погружением на глубину, и проговорила:

– Она просит тебя расследовать это дело.

– Где его убили?

– На даче. Это по Дмитровскому шоссе на...

– Исключено, – перебил ее Гуров. – Не мой курятник. В смысле, я хотел сказать, не наш район, и вообще это дело Следственного комитета. Они и будут расследовать скорее всего.

– Да, там уже побывала полиция, и как раз вот это обстоятельство и напрягает Маргариту. По ее словам, они вели себя нагло, бесцеремонно, разговаривали очень пренебрежительно, в таком тоне, будто подозревают всю семью, включая детей! И ей бы хотелось...

– Машенька! – снова перебил жену Гуров. – Людям всегда кажется, что полиция ведет себя бесцеремонно, недостаточно деликатно и все такое. Уверяю тебя, я себя веду точно также. Это издержки профессии, понимаешь?

– Понимаю, но все же ей бы хотелось, чтобы этим делом занялся кто-то свой. Чтобы действительно нашел убийцу, а не хватал того, кого удобно.

– Слушай, это не имеет значения, чего бы ей хотелось! – начал злиться Лев. – Дело ведет другое ведомство, и я не могу просто так забрать его себе, как понравившуюся игрушку! Да и не хочу, честно говоря! И с каких пор я стал для нее «своим»? Я ее даже никогда не видел! И не имею желания.

– Гуров, ну, я тебя прошу, про-шу! – почти выкрикнула Мария. – По-моему, я не часто это делаю!

Гуров подавил вздох. Мария и впрямь практически никогда не вмешивалась в его служебные дела и уж тем более не просила «по дружбе» расследовать уголовные преступления для ее подруг и знакомых. Она вообще была очень адекватным человеком, трезво смотрящим на мир и готовым в случае необходимости произнести решительное «нет» без того, чтобы потом мучиться угрызениями совести. Но почему-то сейчас очень просила...

«Ей так дорога эта Маргарита? – с недоумением подумал Гуров. – Которая даже ни разу не была у нас дома?»

Но он догадывался, что дело в другом. Мария была очень благодарным человеком. Это не проявлялось у нее в бесконечных словесных расшаркиваниях и постоянных «спасибо-спасибо». На чью-то проявленную помощь она старалась отвечать делом, даже если от нее этого не требовали. Гуров отлично знал, что, получив помощи «на копейку», Мария потом возвращала «на рубль». По всей видимости, случай с Водопьяновыми был из этой категории. Помощь, полученная двадцать лет назад, сейчас не давала жене равнодушно пройти мимо.

– Лева... – совсем тихо произнесла Мария. – Лева, я прошу.

Услышав эту фразу, Гуров сдался. По имени жена называла его редко, только в самые проникновенные моменты, обычно ограничиваясь полуслушным своим «Гуров». Это был их стиль общения, понятный и подходящий обоим. И сейчас он понимал, что, раз она обратилась к нему именно так, значит, эта просьба действительно важна для нее.

– Ну, хорошо, – с неохотой произнес он, – я готов ее просто выслушать. Просто выслушать, понимаешь? – подчеркнул он. – Никаких обещаний, а тем более гарантий я ей давать не стану. И вообще, может быть, там никакого не убийство!

Последнюю фразу он произнес лишь для того, чтобы разрядить обстановку, так как понимал, что Следственный комитет не станет заниматься несчастными случаями. Гуров посмотрел на часы. Время близилось к пяти часам. Проверка сегодня уже вряд ли могла нагреться, но, если бы все же такое случилось, генерал-лейтенант Орлов был бы крайне недоволен, что один из его лучших сотрудников уехал за час до официального конца рабочего дня, непонятно куда – получается, по своим личным делам, ибо дела Водопьянова в Главном управлении МВД не было.

– Пусть приезжает ко мне в главк, – сказал он. – Но сразу предупреди, что никакого дела официально я заводить не буду.

– Спасибо, Лева! – проговорила Мария и отключила связь.

Гуров отодвинул телефон и посмотрел в окно.

– Лева, только не говори мне, что собираешься уехать с женой в срочное путешествие и оставить меня одного на съедение этой злостной комиссии! – перехватив его взгляд, встревожился Крячко.

– Нет, Стас, – успокоил его Гуров. – Хотя я бы с удовольствием.

– А в чем дело-то? Это ведь Мария звонила?

– Мария, Мария, – рассеянно отозвался Лев, погруженный в мысли о нежданно свалившемся на голову новом деле и размышляя, как бы разобраться с ним поскорее. – Стас, тут ко мне посетительница должна скоро прийти... Там у нее дело такое... немного щепетильное. А время к ужину подходит. Проверки нет, проход свободен. Может, ты...

– Понял, не дурак. – Крячко не надо было уговаривать отправиться в буфет. – Симпатичная? – подмигнул он Гурову уже от двери.

– Не знаю, – ответил Гуров. – Да и неинтересно.

– У-ух, старый ловелас! – погрозил ему пальцем Станислав, скрываясь за дверью.

Глава 2

Маргарита Николаевна оказалась достаточно симпатичной, хотя уже, увы, не слишком молодой, далеко за сорок. Печальные события последних суток не добавили ей красоты. Заплаканные глаза были запудрены, что не до конца скрывало их красноту, нос слегка припух, на губах блестела коричневатая помада.

Маргарита Николаевна вошла в кабинет Гурова в пальто горчичного цвета. Из-под черной шляпки выбивалась светлая прядь волос.

– Добрый вечер, – поздоровалась она, снимая шляпку. – Спасибо, что согласились принять.

– Проходите, – пригласил полковник.

Женщина подошла к столу и остановилась, комкая шляпу в руках.

– Вы, наверное, в курсе, что у меня случилось?

– Вы присаживайтесь, – указал Гуров на стул, – и расскажите все сами, с самого начала.

Водопьянова присела на краешек стула и бесцветным голосом, глядя в одну точку на стене, глухо произнесла:

– Мой муж был убит сегодня ночью...

– Где? – уточнил Гуров.

– На даче. У нас дача по Дмитровскому направлению.

– А что он там делал в начале весны?

– Он иногда ездит туда. Ездил... Например, когда нужно было поработать в одиночестве. Хотя у нас и большая квартира, но и народу тоже достаточно. Все-таки трое взрослых детей... А на даче спокойно, никто не мешает.

– То есть ваш муж поехал на дачу, чтобы поработать? – Гуров пока не стал говорить, что, возможно, господин Водопьянов просто решил устроить на даче встречу с любовницей, о наличии которой он уже слышал от Марии.

– Не совсем так, – отозвалась Водопьянова. – Он планировал там встретиться со своим другом.

– Вот как? Зачем? Просто дружеская встреча?

– Нет, они вместе работают. У них фирма по продаже недвижимости, называется «Ваш дом». Они, можно так сказать, деловые партнеры. И начинали свой бизнес вместе. Они учились в одном институте.

– Как фамилия этого друга? – Гуров пододвинул к себе записную книжку.

– Бортников. Григорий Дмитриевич.

– А мужа как звали?

– Алексей Викторович. Водопьянов.

– Угу, – кивнул Гуров и что-то черкнул в своей книжке. – Это вам муж сказал, что собирается на дачу с другом?

– Да, Алексей. Он предупредил, что не приедет ночевать, останется на даче. Говорил, что у них появились некоторые проблемы в бизнесе, нужно спокойно все обсудить. Закончить должны были довольно поздно, добираться ночью в Москву ему не хотелось. К тому же, как я понимаю, обсуждать они это собирались не за чаем, а Алексей выпивши за руль никогда не садится. Не садился... – Она постоянно путалась в прошедшем и настоящем времени, никак не в силах осознать, что настоящее для ее мужа уже закончено.

– А Бортников тоже планировал остаться ночевать на даче?

– Нет, что вы! Гриша однозначно собирался домой.

– И вернулся?

– Да. Еще ночью.

– Это он вам сказал?

– Я и сама знаю. Понимаете... Я... Мы... Давайте лучше я все по порядку расскажу, – разнервничалась отчего-то женщина и добавила: – Простите, здесь можно курить?

Курить в кабинете было крайне нежелательно в ожидании комиссии, но Гуров все же разрешил. Маргарита Николаевна достала тонкую сигарету и, прикурив от золоченой зажигалки, сделала несколько затяжек подряд.

– Утром Алексей не приехал, – продолжила она. – Я позвонила ему на сотовый, но трубку никто не брал. Потом набрала номер стационарного телефона на даче. Тоже никто не отвечал. Это меня уже насторожило...

– Почему? Ваш муж мог в это время вести машину и не ответить. А на даче было пусто, поэтому никто и не снял трубку.

– Алексей должен был приехать рано, понимаете? Он обещал, что в половине седьмого уже будет дома. Он вообще «жаворонок» по своему складу, к тому же по ранним улицам добраться гораздо проще. И потом, у нас с ним были дела. Намечалось одно торжественное мероприятие, он должен был все организовать – мы собирались в ресторан всей семьей. Он все не ехал и не ехал... К тому же доехать оттуда можно меньше чем за час, а он опаздывал уже на два... – Голос Водопьяновой дрогнул, и она, едва докурив сигарету, взялась за следующую.

– Хорошо, что было дальше?

– Я позвонила Грише. Он сказал, что уехал около полуночи. Алексей остался один. Он меня успокаивал, как мог, говорил, что я зря нагнетаю обстановку, что Алексей был в полном порядке, когда они расстались, но я прямо чувствовала, что случилось что-то неладное! – Маргарита прижала руки к груди. Она хотела продолжить, но вдруг замялась и вновь принялась теревить шляпку, которая теперь лежала у нее на коленях. – В общем, спустя некоторое время я отважилась даже на... Не совсем достойный поступок.

Она отвела глаза в сторону, и Гуров понял, что женщина имеет в виду и как нелегко дается ей эта тема.

– Вы подумали о другой женщине? – пришел он ей на помощь.

– Да! Не только подумала, я знала о ней! Мне известно, что Алексей завел любовницу. И я... В общем, я позвонила ей...

– Вам известен ее сотовый? – спросил Гуров, решив, что обманутая жена подсмотрела его в телефоне мужа. Однако она ответила:

– Нет. Но мне известно, где она живет.

– То есть вы следили за своим мужем, – сделал вывод полковник и снова ошибся.

– Нет, не следила. – Маргарита Николаевна подняла голову и посмотрела прямо в глаза Гурову: – Просто это наша квартира.

– Вот как? – Брови Гурова поднялись. – Ваша собственность?

– Нет, не совсем так. Квартира изначально принадлежала Алексею. Но потом... Господи, давайте я уже расскажу про эту девицу, чтобы больше не возвращаться к ней! – перешла на крик Водопьянова.

– Хорошо, только покороче. Любовница подтвердила, что ваш муж у нее?

– Нет, она сказала, что вообще не встречалась в последние дни с Алексеем и о его поездке на дачу ничего не знает. Я уже разволновалась не на шутку, снова начала звонить Грише и буквально упростила его отвезти меня в Лесное. Дело в том, что я машину не вожу, у меня плохое зрение.

Гриша хоть неохотно, но согласился. Добрались мы быстро. Когда приехали, в окнах горел свет, и это меня поначалу даже обрадовало. Алексей любил, чтобы было очень светло, и дома всегда включали свет во всех комнатах. Но одновременно с этим я испугалась... Рванулась внутрь, Гриша за мной, а там...

Она закрыла лицо руками и разрыдалась. Гуров взял со стола Крячко недопитую бутылку колы и налил женщине в стакан. Та сделала несколько глотков, сморщилась – напиток был сильно газированным, – потом постаралась взять себя в руки и снова заговорила:

– Это было ужасно, просто ужасно! Он сидел на стуле, запрокинув голову, лицо багрово-синее... У него даже язык вывалился!

Маргарита Николаевна снова расплакалась, а Гуров, чертыхнувшись про себя, полез в стол за успокоительным. Для подобных случаев он всегда держал у себя нужные препараты. Дав ей сразу три таблетки валерьянки, он спросил, может, лучше отложить все до завтра или вообще до лучших времен, втайне надеясь, что «лучшие времена» так и не настанут: Маргарита Николаевна окунется в организацию похорон, а потом и вовсе забудет о своей идее поиска убийцы. А там, гляди, все-таки выяснится, что это и не убийство вовсе. На эту мысль Гурова натолкнуло описание вида покойного.

Однако Маргарита Николаевна решительно воспротивилась, сказав:

– Нет-нет, я в порядке. Простите меня. Это тогда я была близка к обмороку. Хорошо, что Гриша находился рядом, он меня сразу на стул усадил и тоже дал какие-то таблетки.

– Маргарита Николаевна, а вы уверены, что ваш муж был убит?

– Что вы имеете в виду? – округлила Водопьянова глаза.

– Ну, так может выглядеть человек, у которого случился удар. Или сердечный приступ.

– Да? Ну, если бы не веревка вокруг шеи, я бы, наверное, тоже так подумала, – с иронией усмехнулась Маргарита Николаевна.

– Что-что?

– У него вокруг шеи была затянута веревка, – пояснила она. – Его задушили, понимаете? Гуров нахмурился. Дело оказалось хуже, чем он предполагал.

– Какая веревка? Что собой представляла? Вы рассмотрели?

– Обычная бельевая веревка. Совершенно обычная.

– И вы позвонили в полицию?

– Не я – Гриша позвонил. Он, конечно, тоже был в шоке, но все-таки соображал куда лучше меня. Полицию пришлось ждать минут сорок, все это время мы сидели в абсолютной тишине. Потом они приехали, все засняли, стали составлять протокол... даже отпечатки пальцев снимали, представляете? – эмоционально воскликнула Водопьянова.

Гуров кивнул, так как хорошо представлял себе порядок осмотра места происшествия.

– Долго все длилось? – спросил он.

– Не знаю, я потеряла счет времени. Мне казалось, что очень долго. Потом они уехали. Сказали, что будут разбираться, запретили уезжать из города, еще что-то говорили – ах, я не помню! У меня голова кругом идет!

– А Бортников? Его забрали?

– Гришу? – удивилась Маргарита Николаевна. – Нет. С какой стати? Вы же не думаете, что это он убил Алексея?

– Он был последним, кто видел его в живых, – заметил Гуров, – не считая убийцы, конечно. Он ведь был с вашим мужем ночью! Странно, что его не увезли для допроса. Кстати, а вы сами в Григории Бортникове абсолютно уверены?

– Вы о чем? О том, что это он задушил Алексея? Да что вы! Этого просто не может быть! Они дружат много лет, у них общий бизнес, общие дела, общие проблемы...

«Вот именно, – подумал про себя полковник. – Общие проблемы, общие деньги. А теперь, возможно, эти деньги будут принадлежать Бортникову. Надо бы выяснить поподробнее об их совместных делах. Но только не у вдовы. Она, похоже, в курсе только в самых общих чертах. Муж вряд ли посвящал ее в подробности. Да и не производит она впечатления бизнес-леди, активно интересующейся делами мужа и оказывающей ему поддержку. Скорее „домашняя курица“ – хорошенькая, немного наивная, не слишком в себе уверенная...»

– Эксперты говорили, во сколько наступила смерть? – спросил Лев.

– Да, они сказали, что около полуночи.

– А дактилоскопическая экспертиза что показала? Я имею в виду отпечатки пальцев.

– Ой, про это пока неизвестно, мне сказали, что будет готово через несколько дней, – виноватым тоном проговорила Маргарита.

– Следов пребывания кого-то постороннего не обнаружено? – перешел на привычный протокольный язык Гуров. – Помимо Бортникова? Ну, может быть, на столе что-то было?

– На столе стояла только бутылка вина, почти пустая, бокал... – принялась перечислять Водопьянова. – Это они с Гришей выпивали немного. Закуска какая-то – колбаса, готовые салаты. И только одна тарелка.

– То есть все указывает на то, что, кроме них двоих, в тот вечер на даче никого не было? – скорее самому себе сказал Гуров.

– Ну да, – пожала плечами женщина. – Кому там еще быть?

– Но ведь кто-то убил вашего мужа, – напомнил Лев, – иначе бы вы и не обратились ко мне, верно?

– Да... Да, конечно. Потому я и пришла! – вдруг с жаром заговорила Водопьянова. – Понимаете, полиция стала расспрашивать про детей – где они были в ту ночь, что делали! Как будто дети могли его убить! И даже меня спрашивали! И я подумала, что они могут повесить это дело на кого-то из нас. Я видела в кино, как такое случается! Хватают первого попавшегося – и сажают! Чтобы раскрываемость повысить!

– Ну, это не совсем так, – поправил ее полковник, усмехаясь про себя такой непосредственности. – Делом занимается Следственный комитет?

– Да, кажется... Кажется, именно так.

– Фамилию следователя помните?

Водопьянова отрицательно замотала головой и покраснела. Гуров постарался скрыть досаду. Похоже, от дамочки мало толку, и лучше бы побеседовать с Григорием Бортниковым. Полковника особенно интересовал вопрос, почему следователь не взял его с собой? Может быть, Бортников просто заплатил за свою свободу? Зная изнанку розыскной работы, он вполне это допускал. Единственное, что его смущало – речь шла об убийстве. Столь серьезное дело так просто не замнешь, это не воришку-карманника отпустить за мелкую мзду. А если комитетчики действительно решили посадить кого-то другого, то, во-первых, кого? А во-вторых, это тоже не так просто. Да и сумма за подобный подлог должна быть о-о-очень внушительной. Вряд ли Бортников возил ее с собой наличными.

– Что вам известно о любовнице вашего мужа, Маргарита Николаевна? Мне важно знать все.

Водопьянова поджала губы и сухо произнесла:

– Молодая девица. Нахальная. Провинциалка. Откуда приехала – не знаю. Глупая, неряшливая, наглая...

Полковник и не ожидал услышать каких-то лестных слов в ее адрес, но кое-какие эпитеты его все же насторожили:

– То есть вы ее видели? – спросил он.

– Да, видела! – с легким вызовом ответила Маргарита. – В нашей квартире!

– Давайте все-таки разберемся – что значит «в нашей»? Квартира в вашей совместной с мужем собственности?

– Она была в собственности Алексея. Но он ее подарил Марине, это моя дочь от первого брака. Но переехать туда она должна была только после свадьбы, а пока жила с нами. Это удобно.

– Почему? Сколько ей лет?

– Двадцать шесть, – ответила Маргарита.

– Ну что ж, взрослая, самостоятельная женщина, – пожал плечами Гуров. – И ей удобно было жить с родителями, да еще с отчимом?

– Да, – твердо сказала Водопьянова. – Марину крайне нежелательно оставлять одну. И ее нельзя назвать самостоятельной. Дело в том, что она больна от рождения. У нее ДЦП – к счастью, в легкой форме. Плохо работает правая рука, и еще она подволакивает ногу. Но девочка очень умная, развитая, начитанная!

– Понятно, – остановил ее Гуров. – Давайте о любовнице и о квартире.

– Алексей сказал, что пока квартиру лучше сдавать и он сам все сделает. Никто не возражал, он же риелтор, ему просто все это устроить. Через какое-то время сообщил, что нашел клиента, что сам с ним связывается, и регулярно передавал деньги Марине. Нам и в голову не могло прийти, что там было на самом деле! Пока однажды мне не понадобилось туда съездить.

– Зачем?

– Там... У меня кое-какие вещи, – уклончиво ответила Водопьянова, и Гуров понял, что она лукавит. Видимо, к тому моменту даже она почувствовала что-то неладное и решила проверить.

– В общем, открыла мне молодая девица, в коротком халате, ноги голые... Мне как-то сразу это не понравилось. Да и вела себя вызывающе – так, словно это она там хозяйка! Я прошла в кухню – мамочка моя! Там все грязью заляпано, на полу мусор, посуды полная раковина! Сама девица невоспитанная, я даже не знаю, откуда она приехала и где училась! Такое впечатление, что школу не окончила! Я, конечно, стала ей выговаривать за грязь, а она, знаете, подбочилась да как закричит на меня в ответ! Дескать, это квартира Алексея, которую он предоставил в полное ее распоряжение! И он полностью доволен тем, как она ее содержит, так что мои претензии ее не волнуют! Представляете? Я даже спорить с ней не стала, меня аж затрясло всю! Я вызвала такси и поехала домой. Едва дождалась прихода Алексея и с порога спросила, почему эта девица так себя ведет. Он обещал поговорить с ней, разобраться, но я чувствовала, что тут дело нечисто! Спросила его в лоб, кто она ему. Он, конечно, все отрицал, сказал, что просто клиентка, дочка какого-то его знакомого, но я не поверила в эту чушь! Я всех его знакомых знаю, и у них не могут быть такие дочери. Они все москвичи. – Маргарита Николаевна облизнула пересохшие губы и попросила налить ей еще колы. – В общем, я решила проследить за мужем и все увидела своими глазами! Он заехал за ней, и они вместе поехали в клуб. Он ее обнимал, она сидела рядом с ним на переднем сиденье. Мне этого было достаточно.

– И вы устроили скандал?

– Сначала хотела, – призналась Водопьянова, – но потом решила подумать. Понимаете, я стараюсь не действовать импульсивно. Мне нужно время, чтобы прийти в себя в подобных ситуациях. Я позвонила своей старшей сестре и поделилась с ней. Она мне тоже посоветовала молчать!

– Почему?

– А что я ему скажу? Убирайся вон, к своей этой? А он возьмет и уйдет! Ему под пятьдесят, самый возраст, когда бес в ребро! И детьми не удержишь, они уже взрослые. А если эта маленькая дрянь в него вцепилась из-за денег – а из-за чего еще! – то она только рада будет такому раскладу. И я должна так просто ей его отдать? Ну уж, нет! Мы прожили вместе двадцать лет. Двадцать! Это срок. Я предпочла ждать, когда он наиграется и одумается. Этот момент обязательно бы наступил, только нужно было время. Молодое тело, конечно, хорошо, только ведь надоедает. Да и он не молодеет, все эти постельные утехы постепенно сходят на нет.

– То есть вы избрали позицию так называемой мудрой жены, – с легкой иронией произнес Гуров, – которая знает об изменах мужа и молчит, терпеливо дожидаясь, чем все закончится.

– Можно сказать и так, – серьезно кивнула Водопьянова.

– Скажите, Маргарита Николаевна, – резко сменил полковник тему разговора, – а ваш муж оставил завещание?

– Да, оставил.

– Когда оно было составлено?

– Три года назад, после совершеннолетия Кристины. Это наша младшая дочка, общая.

– И как поделены средства?

– Ну... – Водопьянова закатила глаза. – Квартира, разумеется, остается мне. Плюс еще часть денег. Остальные деньги делятся между детьми.

– Поровну? – уточнил Гуров.

– Нет, Марине меньше, потому что ей остается та самая квартира.

– А вы уверены, что ваш муж ничего не собирался оставлять своей любовнице? – задал Гуров неприятный вопрос.

– Сначала я тоже этого испугалась, – призналась Водопьянова. – Но нотариус, которая оформляла завешание, меня успокоила. Мы с ней знакомы давно, и она мне по секрету сообщила, что Алексей не составлял новое завешание. Так что все оставалось по-прежнему.

«А она не такая курица, как кажется, – отметил Гуров. – По крайней мере, в вопросе денег. Своего не отдаст!»

– Значит, у вас трое детей – Марина, Кристина и...

– И сын Костя, – ответила Водопьянова. – Марина и Костик у меня от первого брака, один за другим родились. С их отцом мы давно развелись, совсем молодыми.

– Я смотрю, Алексей Викторович относился к вашим детям как к родным, – заметил Гуров.

– Да, он в этом отношении был очень порядочным человеком. Особенно когда речь шла о Марине. Он ее жалел, старался как-то компенсировать ее увечье. Она росла нервной, неуверенной в себе девочкой. Почему-то считала, что ее никто не любит, хотя мы старались всячески показать ей свою любовь. Я думаю, тут руку приложил мой бывший! – с горечью произнесла Маргарита.

– А в чем это выразилось?

– Да это так давно было, что уже не имеет никакого значения!

– И все же расскажите, – попросил Лев.

– Ну ладно. Мой бывший муж – человек крайне эгоистичный. Его зовут Геннадий. Родители его сильно избаловали, вырастили тунеядца. Работать он не хотел категорически, мы постоянно считали копейки, потому что я сидела с двумя детьми. Денег, подаренных на свадьбу, я даже не увидела! Он их вмиг спустил непонятно на что. При этом и с детьми мне не помогал. Жил сам по себе, одним днем. Порхал, как бабочка! Дети его раздражали, особенно когда плакали по ночам. Я, конечно, высказывала свое недовольство. А он сделал вид, что обиделся, и вернулся к родителям. Сел им на шею и успокоился. Там у него мама не совсем... адекватная. Все сыночку прощает, прыгает вокруг него. Мужу под пятьдесят, а она его на свою пенсию содержит! Одно время даже повадилась звонить мне и говорить, что, дескать, это я виновата, не удержала мужа, поэтому он и ушел. А Марина почему-то вбила себе в голову, что это из-за нее он ушел. В смысле, из-за больного ребенка в семье.

– То есть вы не общаетесь с бывшим мужем?

– Я? Нет, конечно!

– И с детьми он не встречается?

– Нет. Они Алексея отцом считают. Правда, Геннадий приходил несколько раз... Но не к детям, ко мне.

– Вот как? Интересовался вами?

– Ага, сейчас! – усмехнулась Водопьянова. – Денег он приходил кланчить! Поначалу, когда узнал, что я замуж вышла, носа не показывал – он вообще трусливый, Алексея откровенно побаивался. А потом, видно, приперло его, он и заявился. Пожаловался на плохое материальное положение – ну, оно всю жизнь у него плохое. Мама болеет, то да се... Я, признаться,

пожалела и дала ему денег. Алексею не стала рассказывать. А потом Геннадий снова пришел – понравилось, наверное. Алексей как раз дома был. Так он его просто с лестницы спустил, когда узнал, что тот денег просит. Мне пришлось рассказать, что это уже не первый раз. У нас даже скандал вышел. Алексей меня ругал, говорил, что Генка просто меня использует, все такое. В сущности, он был прав, конечно, я сама понимаю... Просто у меня характер такой... Нетвердый. Порой даже безвольный. Я вообще конфликтов не люблю, в спорах скорее соглашаюсь, чтобы отношения не портить... Это не всегда хорошо, конечно, но что делать? Такая уж я родилась, а в сорок пять лет меняться трудно...

– А как вы познакомились со вторым мужем?

– Через Гришу Бортникова. Я врач-стоматолог, лечила зубы его жене, ее зовут Наталья. Правда, я давно не работаю, а тогда принимала на дому клиентов – деньги-то были ой как нужны! Все Наталье залечила, ей понравилось, она сказала, что у них есть знакомый, которому тоже нужна стоматологическая помощь, но он ужасно боится идти в поликлинику. – Маргарита улыбнулась. – В общем, через два месяца мы поженились. Материально сразу стало гораздо лучше, я даже смогла няню нанять, а то приходилось постоянно к Ольге обращаться.

– Ольга – это кто?

– Старшая сестра. Она одинокая, бездетная. С моими детьми с удовольствием нянчилась.

– Она живет отдельно от вас?

– Да, у нее квартира, которая ей от бабушки досталась. А мне – родительская, после того как они умерли. Алексей сперва хотел наши квартиры обменять на одну большую, но я почему-то отказалась, и мы жили у меня, а квартиру Алексея сдавали. А потом его бизнес пошел в гору, и мы уже смогли купить новую квартиру в элитном доме. А свою Алексей, как я уже говорила, завещал Марине. Он их с Костей даже усыновил сразу после свадьбы. Потом у нас родилась Кристина. Ей сейчас девятнадцать.

– А чем занимаются дети?

– Марина работает в библиотеке, она же мало что может, сами понимаете... Костя заканчивает медицинский – как и я. Кристина в экономическом учится. Она, наверное, в отца пошла.

– А отношения в вашей семье какие были? Между детьми, между ними и вашим мужем?

– Между детьми все прекрасно, они очень дружат. В отношениях с Алексеем тоже никаких проблем не было, я же говорю – он их сразу усыновил и никогда не делил детей на своих и чужих – все родные были. Костя вообще к нему тянулся, мальчики же больше в отце нуждаются.

– Маргарита Николаевна, а как вы сами думаете, в чем причина, что после стольких лет счастливого брака ваш муж завел любовницу? – осторожно, стараясь подбирать слова, спросил Гуров.

– В мужчинах, – помрачнела Водопьянова. И, видя непонимающий взгляд полковника, добавила: – Они другие, понимаете? В смысле, вы другие. Психология такая. Постоянно хочется чего-то нового, свежих ярких ощущений... А у женщин все не так.

– Ладно, не будем спорить об этом. А что-нибудь поконкретнее?

– Думаю, тут работа его виновата. Алексей сильно уставал, нервничал из-за крупных сделок. Вот, наверное, и захотелось расслабиться.

– Как зовут ту женщину, вы знаете?

– Знаю, – неохотно ответила Маргарита Николаевна. – Настя.

– А фамилия?

– Фамилию не знаю, паспорт она мне не предъявляла.

– Назовите мне адрес, по которому она проживает. – Лев снова взялся за записную книжку. – Кстати, вы сказали полиции о ее существовании?

– Нет, что вы! Это же наше личное, семейное дело! Зачем выносить на свет грязное белье?

– А вот это вы напрасно. В случившейся ситуации это было просто необходимо.

– Но мне не хотелось себя выставить на посмешище, поймите!

– Вы сейчас меряете все не теми категориями, – покачал головой Гуров. – Диктуйте адрес!

– Только я ее завтра же вышвырну оттуда! – пообещала Маргарита.

– А ваш муж не заключал с ней договор о сдаче квартиры внаем? В противном случае выпроводить ее вам будет трудно.

– Думаю, что нет. А если и да, то после смерти Алексея он должен быть расторгнут, – возразила Водопьянова. – Ведь теперь квартира принадлежит Марине. А уж она-то точно не захочет терпеть там эту Настю! Вы когда к ней собираетесь?

– Возможно, сегодня вечером, – ответил Лев. – Кстати, вашим детям о ней известно?

– Нет-нет, боже упаси! – скрестила на груди руки Маргарита.

– Кстати, а между собой они не высказывали недовольства? Ну, мол, у Марины квартира, а у нас ничего. Все-таки они все уже взрослые, молодежь любит сейчас жить отдельно. Недвижимость – самое ценное имущество.

– Нет, тут все немного не так. Ведь Алексей никого не обделил! И Костик, и Кристина могут позволить себе купить квартиру. Правда, предусматривалось, что их этим обеспечит Алексей, но теперь... Теперь придется нам самим это решать. Хотя зачем? Они пока не собираются вступать в брак, в отличие от Марины.

– А что, у нее есть кандидатура? – стараясь не показать своего удивления, спросил Гуров.

– Ну... – замялась Маргарита Николаевна. – Вообще-то есть. Правда, не слишком он нам нравится. Вялый какой-то мальчик, бесцветный. Можно сказать, никакой. И нищий, даром что в Москве родился. Но мы не возражали, Марине ведь непросто найти жениха, понимаете?

– Понимаю, – кивнул Лев. Ему и самому было интересно – кто мог заинтересоваться калекой? – А где мне можно найти Григория Бортникова?

Маргарита Николаевна сообщила и домашний адрес Григория, и местонахождение офиса фирмы «Ваш дом», после чего поднялась, вопросительно глядя на полковника.

– Ничего не стану обещать, Маргарита Николаевна, – покачал тот головой.

– Я понимаю, понимаю, – торопливо проговорила женщина и, щелкнув сумочкой, достала из нее конверт: – Вот, возьмите.

– Что это? – резко спросил Гуров.

– Ну... как же, – растерялась она. – Вознаграждение за ваши труды.

– Уберите немедленно! Вы с ума сошли? В кабинете главка! – строго воскликнул полковник.

– Хорошо, я вам их домой привезу, – вздохнула Водопьянова.

– Не нужно, – твердо произнес Лев. – Я не возьму с вас никаких денег, пока не буду уверен в том, что оказал вам помощь. Я пока вообще не уверен, что буду ее оказывать.

– Но как же... Я думала... Маша говорила... – зачастила Водопьянова, но Гуров решительно препроводил ее к двери.

– Я сделаю лишь то, что в моих силах, – сказал он, выпроваживая гостью из кабинета.

Еще за несколько минут до этого он различил доносившиеся из коридора голоса, один из которых явно принадлежал Станиславу Крячко, а второй – генерал-лейтенанту Орлову, причем разговор между ними велся на повышенных тонах. Сейчас, выпуская Водопьянову и дожидаясь, когда она исчезнет с глаз, он решил выяснить, что произошло. В душе он подозревал, что Орлов отыскал за Крячко какой-то грешок и теперь устраивает ему разнос.

Однако, взглянув на обоих, Гуров убедился, что больше возмущался как раз Крячко, а вот генерал-лейтенант топтался с ноги на ногу и общий вид имел виноватый. Между ними

стоял молодой парень, с любопытством следящий за перепалкой между главой управления МВД и его подчиненным.

– Вообще, что ли, там с дуба рухнули? – громко разорвался Крячко. – Мне стажера только еще не хватало! Проверка – раз, стажер – два! Все свое время тратим на эту хрень, а работать когда? Я спрашиваю – работать когда я буду?

– Вот как раз стажер тебе и поможет, – говорил Орлов.

– Да пусть он свою помощь засунет куда поглубже! – ничуть не смущался Крячко.

– Станислав, это указание свыше, что я мог поделать? – оправдывался генерал.

– Ты ничего не мог сделать? Все ты мог! – наседал Стас. – Вполне мог послать их подальше и сказать, что все опера заняты и им не до стажеров. Просто ты так перетрусил перед этой проверкой, что решил угодить своему начальству! А расхлебывать теперь должны мы!

В конце концов Гуров понял причину возмущения Крячко. Когда Станислав, поужинав, возвратился из столовой, в их с Гуровым кабинете еще продолжалась беседа с Водопьяновой. Станислав решил переждать и прислонился к стенке. Вскоре из-за угла вывернул генерал-лейтенант Орлов в компании какого-то мужчины – Станислав в полумраке толком его не разглядел. Решив, что это один из членов явившейся по их душу комиссии, он приосанился и принял вальяжный вид.

– А, Станислав, вот ты-то мне и нужен! – обрадовался Орлов, подходя ближе и подводя к нему за руку своего спутника.

При ближайшем рассмотрении тот оказался совсем молодым, к тому же подобная фамильярность как-то насторожила Крячко. Он нахмурился, но на всякий случай приветствовал Орлова по форме, гаркнув от души:

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

– А почему ты в коридоре? – удивился Орлов. – Лева где?

Обращение на «ты» и «Лева» расслабило Крячко. Он понял, что это не комиссия, а скорее всего какой-нибудь «терпила». С ними Крячко церемониться не привык.

– Да к нему там женщина пришла, – небрежно сообщил он. – Вот они и уединились.

– Что?! Да вы что, совсем обалдели, что ли?

Орлов хотел было уже дернуть дверную ручку, но Крячко остановил его, своей внушительной фигурой загородив дверь.

– Не кипешуй, Петр! Мадам пришла по делу, с заявкой, кажется. То есть ничего такого, о чем ты подумал, там и близко нет.

– С заявлением? – снова встрепенулся Орлов. – Новое дело? Почему я не знаю?

– Ас каких пор мы тебе про каждого «терпилу» докладывать должны? – хмыкнул Крячко.

– С тех самых, Станислав! – строго произнес генерал, подняв палец, и Крячко понял, что он имеет в виду тот момент, когда стало известно о проверке.

– Да ладно ты, расслабься! Может, там ничего такого! А может, дело пустяковое. Мы его в два счета раскроем – и процент тебе повысим! – И Крячко ободряюще хлопнул Орлова по плечу.

Генерал-лейтенанту подобное панибратство в присутствии постороннего отнюдь не понравилось, он подтянулся и еще более строго прикрикнул:

– Так, Крячко! Вот тебе поручение! Стажера к нам прислали. Поскольку Лева у нас теперь занят новым делом, доверяю его тебе. Учи уму-разуму, всячески наставляй, ну, и взыскивать не забывай! Все усвоил?

– Чего-чего? Вот этого доходягу? – Крячко окинул парня длинным взглядом сверху вниз. – Не надо мне никаких стажеров! Я отказываюсь!

– Как это ты отказываешься? – всполошился Орлов.

– А вот так! Имею полное право! Это всякие дополнительные нагрузки, за которые мне никто не доплачивает! Так что все это по желанию, а у меня его нет!

– А мы тебе доплатим. Десять процентов к окладу!

Крячко красочно объяснил Орлову, где он видел эти десять процентов. Петр Николаевич тоже решил не сдаваться и стоять насмерть. Противостояние длилось несколько минут, пока в коридоре не появился Гуров.

– Вы чего тут расшумелись? – спросил он.

– Вот, Крячко отказывается приказ начальства выполнять! – показал Орлов пальцем на Стаса, будто жаловался на обидчика в детском саду.

Тот даже не счел нужным комментировать это высказывание.

– Стас, а чего ты так упираешься-то? – обратился к нему Гуров. – Ну, и взял бы стажера, подумаешь!

– Да на фига он мне сдался? И вообще, я домой собираюсь!

– Но тебе же все равно пока делать нечего!

– А до конца рабочего дня еще двадцать минут! – взглянув на часы, злорадно подхватил Орлов. – И домой тебя никто не отпускает! А раз не хочешь стажера, – пустился на хитрость генерал-лейтенант, – тогда садись и пиши отчеты!

– А я по старым делам все написал! – не моргнув глазом, соврал Крячко.

– А я тебе новые дам! – пригвоздил его Орлов.

В это время у него зазвонил сотовый, и он ответил на звонок, отойдя в сторону. Крячко тут же нырнул в кабинет, прикрыл дверь, дернул Гурова за рукав и зашептал:

– Лева, дай мне какое-нибудь поручение, а? Срочно! Желательно, чтобы отъехать куда-нибудь! А там рабочий день закончится – и все! Ко мне никаких претензий!

– Да что ты так против этого стажера настроен?

– А ты что, забыл прошлый случай? – красноречиво посмотрел на него Станислав.

Гуров припомнил эпизод десятилетней давности, когда Крячко вот так же поручили взять стажера. Станислав хоть и с неохотой, но согласился и для начала поручил мелкое и вполне посильное задание – поехать по нужному адресу и расспросить одного человека, которому предварительно позвонил. Причем сделать это было нужно в кратчайшие сроки. Самому ему «светиться» было нельзя, потому что они вели дело по поимке банды, а тот человек был агентом и мог «спалиться», Крячко был фигурой заметной и довольно известной, а вот Мишу никто не знал.

Как назло, служебные машины были заняты, и Станислав сам настоял, чтобы Миша отправился на такси. Поскольку денег у того не было, он выложил ему тысячу из своего кармана, которую Миша клятвенно пообещал вернуть завтра же.

Однако стажер уехал и пропал. Крячко набрал номер человека, к которому он отправился, но тот заявил, что к нему никто не приходил. Напрасно Стас названивал Мише – его телефон был отключен. Под вечер Крячко окончательно измаялся. Он беспокоился, что Мишу все-таки раскололи, и неизвестно, жив ли он вообще, и корил себя в том, что отправил молодого парня на смерть.

Однако на следующее утро Миша появился в главке. Правда, вид он имел смущенный и виноватый, а глаза были красными. Оказалось, что он уже собрался сесть в такси, но тут ему на глаза попались игровые автоматы, функционирующие в то время на каждом шагу. Стоит ли говорить, что тысячу Миша сразу же проиграл, а возвращаться в главк побоялся, посему не нашел ничего лучшего, как отправиться домой и отключить телефон...

С тех пор Крячко на дух не переносил стажеров.

– Лева! Пошли меня куда-нибудь! – снова попросил он.

– Да это запросто, – улыбнулся Гуров.

– Лева! – угрожающе надвинулся на друга Крячко. – К тебе баба приходила? Приходила! Я честно в коридоре торчал из-за тебя! Если бы не ты, меня бы Петр там не перехватил!

– Эх, как ты ловко повернул! Я еще и виноват!

– А кто же? – искренне возмутился Крячко, который был мастером «переводить стрелки».

– Ну что я тебе поручу? – устало спросил Гуров. – У меня дела нет! Я официальное поручение тебе дать не могу!

– Но Петр-то этого не знает! – многозначительно заметил Крячко.

– А завтра...

– А завтра придумаем что-нибудь!

– Ну ладно...

Гуров подумал, что в деле Водошняновой, которым ему самому не очень-то хотелось заниматься, помощь действительно не помешала бы. К тому же ему совсем не хотелось ехать сейчас встречаться с некоей Настей, молоденькой любовницей Алексея Водошнянова. Это была совсем не та категория людей, с которой он предпочитал общаться. Нельзя сказать, чтобы с ней так уж предпочитал общаться и Крячко, но тот отличался тем, что умел найти общий язык с кем угодно. У него мастерски получалось притвориться, где нужно, выразить сочувствие и проявить искренний интерес, заставив при этом свидетеля невольно расслабиться и усыпить его бдительность. Гуров, более сдержанный и сухой, не всегда мог сыграть роль эдакого рубахи-парня. Тем более в сложившихся обстоятельствах Крячко выбирать было особо не из чего, так что Лев не сомневался, что он согласится.

– Держи! – протянул он ему листок с адресом Анастасии. – Самое главное, расспросишь девушку об ее отношениях с Алексеем Водошняновым. Это хозяин квартиры. И особенно тщательно выяснишь, где она провела прошлую ночь начиная часов эдак с девяти вечера.

– Все понял! – мотнул Крячко головой, сунул листок в карман и, промчавшись мимо Орлова к лестнице, затопал по ней ботинками.

– Куда, Крячко? – крикнул ему в спину Орлов.

– На оперативно-разыскные мероприятия! – отозвался тот, не останавливаясь.

– Нет, это как понимать? – развел руками генерал, обращаясь к стоявшему на пороге кабинета Гурову. – Совсем распустились! Мне на пенсию уходить, что ли? И уйду, тогда будете знать! Припомните, как при Петре Николаевиче вам жилось-то вольготно! А вам взамен пришлют какого-нибудь упыря, попьет он вашей кровушки! И я даже знаю, кого! У меня знакомый в министерстве, так вот он говорил...

– Петр, да ладно тебе! – прервал Гуров разошедшегося Орлова, который все чаще стал напоминать обиженного ребенка, угрожающего своим родителям в духе «вот прыгну с балкона – будете знать!». Все-таки, как ни крути, а даже такая фигура, как начальник Главного управления внутренних дел, с возрастом приобретала все сопутствующие старости черты: капризность, обидчивость, нужду в постоянной заботе и внимании. Словом, во всем том, для получения чего Управление внутренних дел было, прямо скажем, не самым подходящим заведением...

– Все равно рабочий день закончился, – продолжал Гуров. – Давай оформим твоего стажера, а на работу пусть завтра приходит. Найдем что ему поручить. Только пусть не опаздывает!

– Только не опаздывай, Коля, понял? – строго обратился к парню Орлов, не в силах скрыть своей радости, что пристроил-таки стажера, которого ему самому подсунили по личной просьбе одного знакомого, которого он терпеть не мог, но был при этом обязан и не мог отказать.

Парень, за все это время не произнесший ни одного слова, так же молча кивнул и направился к лестнице.

– Так, а ты куда? – нахмурился Орлов.

– Домой, – запирая кабинет, сообщил Гуров. – У меня тоже рабочий день закончен! Или мне ждать, может, ночная проверка нагрянет?

Орлов лишь вздохнул и отправился в свой кабинет.

Глава 3

Станислав Крячко, вырвавшись из стен родного главка, чуть ли не пританцовывал от радости, что так удачно вывернулся из лап Орлова и избежал общения со стажером.

Он дотопал до Цветного бульвара, спустился в метро, вошел в вагон, выхватил взглядом место, которое освободил какой-то выходящий парень, и поспешно юркнул на него. Ехать ему предстояло довольно долго, и Станислав спокойно прикрыл глаза, прислонившись к спинке сиденья. На станции «Войковская» полковник вышел.

Водопьяновская квартира, где тот поселил свою любовницу, располагалась в девяти-этажке возле остановки, так что идти Станиславу было недалеко. Он позвонил в домофон и спустя несколько секунд услышал девичий голос:

- Кто там?
- Мне нужна Настя, откройте, пожалуйста.
- А вы кто? – чуть помедлив, спросила девица.
- Я от Алексея, – соврал Крячко, и дверь, запищав, тотчас открылась.

Крячко поднялся на седьмой этаж. На пороге одной из квартир стояла молодая девушка в коротком пушистом халате, обнажавшем стройные ноги. Волосы ее были покрыты полотенцем, намотанным в виде чалмы, – видимо, она недавно мыла голову. Лицо без косметики выглядело совсем юным и несколько простоватым, но при этом симпатичным.

- Добрый день, вы – Настя? – спросил Крячко, выходя из лифта.
- Да, – ответила девушка, оглядывая Крячко с головы до ног. – Что вам нужно?
- Поговорить, Насть, – произнес Крячко и, не дожидаясь приглашения, прошел в квартиру.

Она вынуждена была посторониться. Нельзя сказать, что девушка была рада визиту Крячко, потому что посматривала на него недовольно, пока он вешал куртку на вешалку. Разуваться Станислав не стал: полы в квартире не блистали чистотой, да и лень ему было, честно говоря, расшнуровывать ботинки. Вдобавок он мгновенно оценил личность девушки и отнес ее к разряду тех, с кем не стоит слишком церемониться.

Крячко прошел в комнату и сел на диван, сдвинув в сторону ворох разноцветных женских вещей. Комната вообще выглядела довольно неряшливо, чего нельзя было сказать о ее хозяйке. Та была ухоженной, со свежим маникюром, от нее исходил запах парфюмерии – правда, слишком сладкий и густой, так что Станислава даже начало подташнивать.

– Садитесь, – пригласила Настя, хотя он и так уже сделал это, и, взяв в охапку вещи, кучей запихала их в шкаф. – Вас Алексей послал?

– Меня Станислав зовут, – вместо ответа представился Крячко. – Як тебе вообще-то по делу.

- По какому?
- Ты эту квартиру снимаешь или как?
- А вам-то что за дело? – вспыхнув, окинула его оценивающим взглядом Настя. – Если вы снять хотите, то не получится. Разве вам Алексей не сказал?
- Водопьянов? – уточнил Крячко.

– Нуда! – начала нервничать девушка. – Вы сказали, что от него. Он вам разве не говорил, что квартира не сдается?

- А он тебе кто будет?
- Он мой любовник. А вам что, жалко? – с вызовом посмотрела она на Крячко.
- Да на здоровье, – отмахнулся Крячко. – То есть ты и дальше тут жить собираешься?
- Разумеется! Что вообще происходит? Что вам нужно?

– А документики твои посмотреть можно? – продолжал Крячко, не обращая внимания на ее эмоции.

– Ага, сейчас! – язвительно произнесла Настя. – С какой радости? Я сейчас позвоню Алексею! – Она схватила лежавший на заставленном всевозможными флакончиками трельяже сенсорный телефон, принялась водить по экрану наманикюренным пальчиком и, послушав долгие гудки, недовольно проговорила:

– Не отвечает.

В этот момент кто-то все-таки ответил, и она сразу заговорила на повышенных тонах:

– Алло, Алеша? Что за фигня происходит? Ко мне тут... Кто? Кто это? Какой следователь? Нет, я не... Извините! Я, наверное, ошиблась. – Быстро отключив связь, Настя перевела на Крячко растерянный взгляд: – Какой-то следователь... Ничего не понимаю! Где Алексей? И что вообще происходит?!

– Вещички тебе придется собирать, девонька, вот что, – с сочувствием вздохнул Крячко.

– Это с какой еще радости? – дернула плечом Настя и с подозрением уставилась на него: – А вы не от его жены случайно? Это она вас послала, да? Так вот, можете ей передать, что квартиру мне сдает Алексей, а не она! Я ей уже говорила, что съезжать отсюда не собираюсь! Вот пусть он сам мне скажет, тогда...

– Не скажет, – перебил ее Крячко. – Он вообще больше ничего не скажет.

– Что вы имеете в виду? – заморгала длинными белесыми ресницами Настя.

– Да умер он. Сегодня ночью. На даче у себя. – Крячко проговорил все эти фразы обыденным голосом, при этом следя за лицом девушки.

Оно выражало крайнюю степень недоумения и недоверия.

– Как умер? – наконец спросила она. – С какой радости? Он же здоровый!

– К сожалению, иногда умирают не от болезней. А от удушения, например.

– Ка... какого удушения? – Голос Насти сел. – Да вы меня разыгрываете, что ли? Что за дурацкие шутки!

Вместо ответа Крячко достал свое удостоверение, сунул его девушке под нос и проговорил:

– Обычно опера из МВД к шуткам не склонны. Считается даже, что у нас чувства юмора нет, хотя это, безусловно, не так.

Настя слушала Крячко, меняясь на глазах. Она сразу как-то притихла, поникла и, опустившись в кресло, спросила:

– Как это случилось?

– Я же говорю – задушили его, – ответил Крячко, успевший по телефону во время дороги выяснить подробности у Гурова.

– Кто? – тупо спросила Настя.

– А вот это, солнышко, мы и хотим узнать, – ласково произнес Станислав. – Ты что-нибудь можешь сказать по этому поводу?

– Я? – безмерно удивилась Настя. – А что я могу сказать?

– Ну, к примеру, кто мог его убить.

– Кто мог убить? Как кто? Тот, кто с ним там был! Разве нет?

– Он там был один, – подавив вздох, пояснил Крячко.

– Но я-то тут при чем? Не я же с ним была! Почему вы пришли ко мне? Чтобы я освободила квартиру?

– Ты же с ним близко общалась, он, наверное, делился с тобой своими проблемами?

Лицо Насти в этот момент выразило только то, что никакими проблемами Водопьянов с ней не делился. Он делился с ней деньгами, а она постелью, и подобный раздел обоих устраивал.

– Я не знаю. Я ничего не знаю! – покачала головой Настя.

– Так, документики давай! – потребовал Крячко.

Она шагнула к секретеру, достала из него паспорт и протянула Крячко.

«Передреева Анастасия Михайловна», – прочитал Стас. Анастасии было двадцать три года, и последним местом постоянной регистрации ее был город Аткарск Саратовской области. Дальше регистрация была лишь временной, периодически продлеваемой. Причем адрес значился совсем не тот, по которому она проживала в Москве в квартире Водопьянова, а некая улица Плодородная, название которой Крячко даже никогда не встречалось. Он полагал, что это где-то на выселках, какой-то дом, в котором сама Анастасия скорее всего никогда не бывала и в котором помимо нее была зарегистрирована еще куча народа. То есть регистрация скорее всего «липовая». Следовательно, господин Водопьянов не предоставлял своей любовнице никаких документальных гарантий, даже временных. А это, в свою очередь, означало, что скорее всего ловить девушке в отношении его было нечего... Единственное, что ей светило – проживание в этой квартире на птичьих правах до того момента, пока она не надоест самому Водопьянову, либо пока не лопнет терпение у его домочадцев. Правда, на деле произошел третий вариант – смерть самого Водопьянова, то есть вариант крайний и вряд ли кем-либо ожидаемый.

Но сейчас Крячко интересовало лишь одно – мотив. У Анастасии Передреевой он отсутствовал, по крайней мере, если основываться на тех фактах, что были уже известны и очевидны.

– Ох, ну, вы меня прямо шокировали! – сокрушалась тем временем Настя. – Прямо как обухом по голове! Это что же, мне теперь квартиру искать?

– По всей видимости, – усмехнулся Крячко. – Вряд ли вдовушка захочет тебя тут терпеть. А уж дочка ее и подавно. Квартира-то теперь ей перейдет.

– Черт, ну какая же досада, а? – Настя прикусила губу. – Куда же мне деваться?

– А ты вообще давно из Аткарска своего приехала?

– Год назад.

– Ну, ты же где-то жила до этого места, верно? Не сразу же ты сюда попала.

– Ну, жила. У подруги. Комната на троих у черта на куличках! Кругом грязь, бардак, тараканы – фу!

Крячко окинул взглядом комнату и снова мысленно хмыкнул. Анастасия перехватила его взгляд и сказала, оправдываясь:

– У меня просто времени не было все тут прибрать. Я же не знала, что вы придете. А так-то у меня всегда порядок.

– Чем же ты так была занята, девонька? – поинтересовался Крячко.

– Я... Я... – Настя пыталась на ходу что-то сообразить, но не смогла и выпалила: – А вам-то какое дело?

– Да лично мне, в общем, никакого. Но вот в связи со смертью Водопьянова хотелось бы выяснить, где и как ты время проводишь.

– Я вообще-то учусь! – предъявила Настя козырь, как ей казалось, железный.

– Вот как? – удивился Крячко. – И где же?

– На курсах! Я в институт поступать собираюсь! Поэтому у меня и времени нет! Я за учебниками сижу!

Она выудила откуда-то из груды вещей потрепанную книжку и предъявила ее Крячко.

Станислав перелистнул первую страницу с расплывшимся библиотечным штампом, потом посмотрел на обложку. Это был медицинский справочник, во всяком случае судя по названию: «Лечение двигательных расстройств».

– Я в медицинский поступать буду! – с гордостью проговорила Настя, отбирая у Крячко книжку. – Для этого и на курсах учусь. На платных.

– М-да. Трудно тебе придется, – вздохнул Крячко.

– Это почему? Намеряете, что ума не хватит?

– Насчет ума не знаю, а вот денег, боюсь, не хватит. Тебе же курсы, поди, Водопьянов оплачивал?

Настя насупилась. До нее дошло, что с кончиной Водопьянова заканчиваются и деньги. Причем не только на оплату курсов, на которых она то ли училась, то ли нет.

– И квартиру, я так понимаю, оплачивал твой... поклонник...

– Оплачивал, конечно! А как же иначе? – недоуменно развела она руками. – Мы с ним сразу об этом обо всем договорились. Я здесь живу, а он со своей семьей, и это никак друг друга не касается.

– А кроме оплаты этой квартиры и курсов ты получала что-нибудь от Водопьянова за то, что с ним спала? – Крячко не стал деликатничать и выбирать выражения. – В материальном смысле.

Но Настю, казалось, подобные формулировки совершенно не смущали. Она явно была девушкой без особых комплексов, предпочитавшей во всем четкую договоренность «ты мне – я тебе».

– Ну, как сказать... Получала, но в основном ерунду всякую. Кафе там, рестораны, подарки иногда... Не очень-то и дорогие. Они же жадные все! Старые мужики, в смысле. Да и молодые не лучше! – презрительно махнула она рукой. – Еще и жаловался, что у него, мол, семья, дети, их всех содержать нужно... Ха, дети! Они уж взрослые совсем, пора и самим себя содержать, правда? Мужики всегда в таких случаях про жену вспоминают, – с иронией добавила Настя, – а до этого почему-то как-то забывают!

– Слушай, Насть, вот Алексей был тебе так близок, доверял... – Крячко постарался придать своему голосу доверительные интонации, полагая, что все это вкупе польстит девчонке. – Скажи, он не делился с тобой своими проблемами? Знаешь, мужчине в его возрасте часто нужна отдушина, понимаешь? Ну, человек, с которым можно пооткровенничать, излить душу... Может, у него неприятности какие-то были?

– Неприятности? С женой, что ли?

– Ну, почему сразу с женой? В бизнесе, например. Все-таки он в такой сфере работал, сама понимаешь... Деньги, конкуренты, с компаньоном не договорился, клиенты недовольны остались... Понимаешь?

– Да понимаю, понимаю, – закивала Настя. – Но ничего такого, кажется, не было. Мне он, во всяком случае, ничего не рассказывал. Да мы и не говорили о его бизнесе, – усмехнулась она. – Вы действительно считаете, что он ко мне просто поговорить приезжал? И квартиру для этого оплачивал? Дороговатое удовольствие за разговорчики, не находите?

«А девулька-то не так наивна, когда дело денег касается, – отметил про себя Крячко. – В определенном смысле мозги у нее есть. Но только в определенном...»

Он достал из кармана пухлую записную книжку и авторучку и спросил:

– То есть ты вообще никак не можешь предположить, кто мог его убить?

– Нет, не могу. Но допускаю, что из-за бизнеса. Точнее, из-за денег.

– Почему из-за денег? – не понял Крячко.

– Ну, а из-за чего еще в наше время убивают? – недоуменно пожала плечами Настя и хохотнула: – Не из ревности же! Хотя... – Она вдруг умолкла и задумалась.

– Что такое? – поинтересовался Крячко.

– Да я подумала... Из ревности... Жена-то у него курица безмозглая. Она вот как раз и могла! Она же про меня знала! Блин! Как же я сразу не догадалась? Вы проверьте ее, проверьте как следует!

– Проверим, – проворчал Крячко. – А ты кого-то из его знакомых знаешь? Может, он знакомил тебя с кем-то из своих друзей-приятелей?

– Нет, не знакомил. Да и зачем? Он же старый был, и друзья у него все такие же! Да и женатые они все. Может, нам еще семьями дружить предложите?

– То есть отношения ваши были торгово-экономическими, – совсем перестал считаться с приличиями Крячко, ибо в данном случае они были неуместны.

Как он и предполагал, Настя не смутилась, лишь немного перефразировала его слова:

– Он меня содержал как мужчина женщину. По-моему, это нормально. Замуж я за него точно не собиралась, да и он бы, думаю, не захотел. Да и зачем мне это? Так я свободный человек, сама себе хозяйка, что хочу, то и делаю...

– Хочу – халву ем, хочу – пряники! – согласно подхватил Крячко, но Настя поняла его немного по-своему:

– Куда хочу, туда и хожу, и отчитываться ни перед кем не должна. А замужем что? Сиди в четырех стенах! Видела я, во что его жена превратилась – клуша клушей!

Крячко, мельком видевший Маргариту Водопьянову, не сказал бы так о ней, но спорить не стал. Его волновал другой вопрос:

– А Алексей не намекал на то, что хотел бы развестись с женой? Не строил планов насчет вашей женитьбы?

– Нет. Он, наверное, боялся.

– Боялся? – удивился Крячко и уточнил: – Жену?

– Может, не столько ее, сколько детей. Ну, они же вряд ли одобрили бы такое его поведение, – усмехнулась Передреева. – А детей он на самом деле любил. Даже неродных. Фотки мне пытался показывать, рассказывал об их успехах... Как будто мне это интересно! В общем, замуж я за него не собиралась. Геморрой только лишний. Да и жена его потом бы со свету сжила! Думаете, она бы так просто его отпустила? Щас! Она уже и так навевалась сюда, пыталась разузнать, кто я и зачем. Оскорбляла даже! Вы, кстати, запишите, запишите это! Главное, не понимаю, что я ей плохого сделала? – Настя с искренним непониманием уставилась на Крячко, который не спешил ничего записывать.

– Так, давай дальше, – нетерпеливо перебил он девушку, поскольку уже притомился от беседы с ней. – Ты когда Водопьянова последний раз видела?

Настя что-то прикинула в уме и сказала:

– Пару дней назад.

– Здесь? – уточнил Крячко.

– Да, он заезжал вечером после работы. Вам подробно рассказать, чем мы занимались? – с ехидцей добавила она.

– Боже упаси! – отмахнулся Стас. – Ну, а вчера ты где была, подруга дней моих суровых?

– Здесь, – пожала плечами Настя.

– И в какое время?

– Что значит в какое? Я вообще-то здесь живу! – напомнила Передреева.

– То есть весь вчерашний день ты из дома не выходила? – Крячко щелкнул авторучкой и раскрыл записную книжку.

– Погодите, погодите! – остановила его Настя. – Ну, я выходила, конечно. В магазине была, потом в парикмахерскую заезжала.

– Во сколько вернулась? – Голос Крячко стал сухим и протокольным.

– Я не запоминала специально! Часов в семь где-то.

– И больше никуда не выходила?

– Нет. Да вы что, меня подозреваете, что ли?

Крячко не ответил, лишь быстро набросал в записной книжке несколько слов.

– Да вы что? – заволновалась Настя. – Мне-то это зачем? Ну подумайте сами! Я с голой задницей остаюсь теперь!

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Станислав. – Может, у тебя скрытые мотивы были.

– Да какие мотивы, господи! Я ж вам говорю – в наше время убивают только из-за денег! Ну, или из-за квартиры там, из-за наследства... А мне какой резон?

– Ты еще упоминала, что из ревности, – вставил Крячко.

– Ха! – Настя закатила глаза. – Это я его ревновала, что ли? К жене? Не смешите меня! И потом, если даже у меня нет алиби, что, кто-то видел меня где-то вне дома? А? Что, свидетели есть? – И, поскольку Крячко на это ничего не сказал, заключила победно: – Так что против меня никаких улик нет! – Вдруг она помрачнела и с искренней досадой проговорила: – И понадобилось же кому-то его убить! Главное, у меня и деньги почти все закончились! Я как раз хотела у него при следующей встрече попросить, а тут такое!

– Да, да, – с сочувствием кивнул Крячко. – Не повезло тебе!

– Еще как не повезло! А может быть, его жена подождет? Она же пока тут не хозяйка! Вроде как полгода после смерти ждать нужно, чтобы в права наследства вступить. А за полгода я чего-нибудь придумаю!

– А ты у нее спроси, – посоветовал Крячко.

– Кто, я? Вы серьезно? – покосилась на него Настя.

– Ну да, а чего там? Вы же не чужие люди-то! Может, и разрешит. Еще и денег подкинет.

– Шутите, да? – обиделась Передреева. – Мне, между прочим, не до смеха!

– Да уж какой тут смех! – скрипнул зубами Станислав, которого уже начало раздражать откровенно демонстрируемое потребительское отношение Насти к жизни в сочетании с простоватостью.

«Впрочем, наверное, удивляться тут особо нечему, – подумал он. – Девушка ведь за этим в Москву и приехала из своего Аткарска. Небось семейка, как у нас говорят, неблагополучная. Папа-мама явно не царских кровей. Папа, может, и выпить не дурак. А может, мама тоже. Семейные разборки, нищета, развлечений – ноль. Девка на все это насмотрелась и прочно для себя усвоила, что в жизни надо устраиваться. Вот и свалила при первом удобном случае. Подцепила этого Водопьянова и была рада. Все закономерно...»

– А ты вообще работаешь? – задал Крячко следующий вопрос.

– Когда мне? Я же учусь!

– А до встречи с Водопьяновым?

– Ну, работала, конечно! Приходилось, куда ж деваться!

– И где? – скорее из любопытства спросил Станислав.

– В «Макдоналдсе». На Кропоткинской. А вам зачем? – вдруг с подозрением взглянула она на него. – Вы что, туда хотите пойти? Зачем?

– А что ты так заволновалась-то?

– Ну, как же... Вы мне репутацию испортите!

– Ладно, не переживай. Не стану я твою репутацию портить, – подавил улыбку Крячко.

Он уже хотел сворачивать разговор, как со стороны лестничной площадки донеслись какие-то возбужденные голоса и топот ног, а потом послышалось звяканье ключа в замочной скважине, после чего дверь открылась и тут же с шумом захлопнулась. От неожиданности Передреева подскочила и бросилась в прихожую.

– Вы кто? Что вам нужно? – услышал Стас.

– Это ты мне говоришь? – зазвучал в ответ женский голос. – Еще наглости хватает! – Он не был похож на голос Маргариты Водопьяновой. – Так, я перед тобой тут отчитываться не собираюсь, так что давай быстренько собирай вещички – и на выход! – со злостью закончила незнакомка.

Крячко решил посмотреть, кто это, и вышел в прихожую. Возле двери, с суровым выражением лица, стояла довольно молодая женщина, можно сказать, девушка, лет двадцати пяти. У нее было продолговатое лицо с близко посаженными глазами, без макияжа. Небольшие серые глаза за стеклами очков казались еще меньше. Ее никак нельзя было назвать красивой, но вот распущенные волосы были хороши – пепельно-русые, густые, закрывающие спину. Худая,

довольно высокая, в длинной коричневой куртке и джинсах, с маленьким рюкзачком за спиной, она держала ключи в левой руке, а правую как-то неловко прижимала к себе. Девушка прерывисто дышала, мучимая одышкой.

– Ну, что застыла-то? – переводя дух, обратилась она к Насте. – Все, халява закончилась! Собирайся! – И тут заметила наконец прислонившегося к дверному косяку Крячко. – Еще и мужика сюда притащила! Успела уже! Дрянь! – с плохо скрываемым презрением произнесла она.

– Да какого мужика, что вы несете-то? Вы почему меня оскорбляете? По какому праву? – обрела голос и Настя.

Стоявшая в дверях девушка аж задохнулась от возмущения. Сделала шаг вперед, словно собиралась наброситься на Настю, но споткнулась и неуклюже захромала.

– Марина, стой! – Сзади появился парень, который под держал девушку и усадил на стоявшую в прихожей скамеечку.

Крячко только сейчас понял, что девушка заявила в компании спутника. Тот был пониже ее ростом, тоже в очках, довольно шуплый и с совершенно невыразительным лицом. Он заботливо положил девушке руку на плечо, пока та пыталась унять учатившееся дыхание, и с укором произнес:

– Тебе нельзя волноваться! Мы же договаривались, что ты будешь спокойна!

– Я спокойна, Илюш, спокойна, – стараясь дышать ровнее, проговорила Марина. – Все, все прошло.

Она стала подниматься со скамейки, и Крячко заметил, что одна нога у нее немного короче другой, из-за чего походка выглядела прихрамывающей. Правую руку девушка все время норовила прижать к телу или поддерживала левой.

– Итак, я сразу расставляю точки над «i», – метнула она взгляд в сторону Насти. – Я хозяйка этой квартиры. Дочь Алексея Водопьянова. И теперь, после его смерти, только мне решать, кто может здесь жить. Вас, девушка, я никак не желаю видеть ни в качестве квартирантки, ни в каком другом качестве! Надеюсь, я понятно выразилась?

– Но где же я буду жить? – с искренней непосредственностью спросила Настя.

Выражение лица Марины красноречиво свидетельствовало о том, что ломать голову над этим вопросом она не собирается.

– Но это квартира Алексея... – попробовала защититься Настя, но не слишком уверенно. – Вы же пока не вступили в права наследства!

Марина аж задохнулась от этих слов. Отступив на шаг назад, она хватала ртом воздух, не в силах произнести ни слова. Правая ладонь ее скользнула вверх, к области сердца. Ее спутник тут же подскочил, собираясь усадить девушку обратно на скамейку, но та отвела его руку и, отдышавшись, заговорила резко и со злостью:

– Я не знаю, чем вам удалось запудрить отцу мозги, но со мной этот номер не пройдет! И если вы немедленно, вот прямо сейчас, не уберетесь отсюда, я вызову полицию! – Она достала из кармана куртки сотовый телефон и помахала им в воздухе. Потом перевела взгляд на Крячко и добавила: – Вас, кстати, это тоже касается.

– Да я бы с удовольствием, – честно признался Крячко, – да не получится скоро. Раз уж вы пришли, мне бы с вами пообщаться, ребятки.

– На предмет чего? – холодно спросила Марина Водопьянова.

– Да на предмет смерти вашего отчима, – доставая из кармана удостоверение, произнес Стас.

Марина, близоруко сощутив глаза за очками, изучила его и с облегчением вздохнула:

– Значит, полиция уже здесь. Что ж, это облегчает мою задачу. Понимаете, эта девица, – послала она презрительный кивок в сторону Насти, – живет здесь без всяких на то оснований. Без договора, без иных документов... Вы поможете мне выпроводить ее отсюда?

– Ну, я вообще-то здесь не за этим... – возразил Крячко, но обратился к Насте: – Слушай, ты бы не усугубляла, а? Видишь – хозяева пришли. Придется съезжать, тут уж ничего не поделаешь!

– Не уйду! – вдруг взвизгнула Настя. – Мне Алексей разрешил здесь жить, и ты мне не указ! Ты вообще не хозяйка, у тебя самой-то документов нет на эту квартиру! Она принадлежит Алексею, а он меня сам сюда поселил!

– А ты докажи! – усмехнулась Марина. – Нет, вы видели такую наглость, а? При полиции, которая тебя все равно выгонит! Тебе говорят – вон пошла! Так понятно?

Настя растерянно повернулась к Крячко, словно ища у него поддержки, но Станислав не мог да и не хотел ей помогать. Передреева попыталась сменить тактику с нападающей на беззащитную и заговорила просительным, даже жалобным тоном:

– Но мне же некуда сейчас идти! Подождите совсем немного! Ну, что вам, жалко, что ли? Я съеду, обязательно! Как только жилье найду – сразу съеду! Это же не так просто, понимаете? Вам-то все равно есть где жить, зачем вам прямо сейчас тут поселиться?

Марина, казалось, совершенно не слушала приводимые Настей аргументы и собиралась лишь повторить свое требование, однако тут неожиданно вмешался ее спутник:

– Марина, ну действительно, какой смысл выгонять ее прямо сейчас? Пусть человек определится с жильем и съезжает. Она сейчас вещи-то будет собирать до утра, это же не так быстро! Давай сейчас поедem к тебе, там мама, ее не стоит оставлять одну. К тому же завтра похороны, не до квартиры. А девушка за это время соберет вещи, уладит вопрос с жильем и уйдет. Правда ведь? – Он обернулся к Насте, и та поспешно закивала головой:

– Правда, правда! Мне бы только жилье найти. Но я девчонкам позвоню, с которыми раньше жила, у них там, может быть, место мое еще свободно. Не переживайте!

Марина стояла, покусывая губу, а Настя с тревогой в бегающих глазах следила за ней. Наконец Марина протянула руку и коротко потребовала:

– Ключи!

Настя взяла с вешалки черную сумку и, достав из кармашка ключи, протянула их Марине.

– Когда будете уходить, дверь захлопнете. На все про все у вас два дня. И надеюсь, что мы больше никогда не увидимся.

– А вы на похороны не пойдете? – вдруг спросил Илья, и от этой реплики Марина снова начала дергаться:

– Какие похороны? Ты что говоришь? Да если она там появится, я ее...

– Не беспокойтесь, не появлюсь! – резко бросила Настя и пробурчала в сторону так тихо, что ее услышал только Крячко: – Делать мне больше нечего...

Марина взялась за дверную ручку, собираясь уйти вместе со своим Ильей.

– Погодите-ка, ребята, я с вами, – сказал Крячко, идя следом. – Раз уж мы так удачно встретились, заодно и побеседуем.

– Но... Но к нам уже приходили из полиции, – удивилась Марина. – Разговаривали.

– Ничего, ничего, разговоры лишними не бывают, – ничуть не смущаясь, заметил Крячко. – Вы на машине?

– Нуда, на машине. – Марина переглянулась с Ильей.

– Вот и славненько! Сейчас быстренько поговорим, и поедете домой! Вы пока спускайтесь, а я вас догоню.

– Ну хорошо, – кивнула она. – Мы на улице. Светло-зеленая «Дэу».

Оставшись наедине с хмурой, недовольной Настей, Крячко предупредил:

– Вот что, девонька, тебя могут вызвать в полицию, так что ты из Москвы пока не уезжай.

– Меня? Зачем? – вытаращила глаза Настя.

– Ну, не будь дурочкой! Дело об убийстве Водопьянова ведет Следственный комитет. О твоем существовании им наверняка уже известно, поэтому пообщаться с тобой захотят обязательно, так что будь готова. А мне пока телефончик свой дай. На всякий случай.

Окончательно расстроившись, Настя продиктовала Крячко свой номер, после чего Станислав оставил ее одну.

Выйдя на улицу, он отыскал глазами среди припаркованных во дворе машин маленькую «Дэу», в темноте казавшуюся серой. Марина с Ильей уже сидели в ней – Илья на водительском сиденье, девушка рядом. Крячко открыл заднюю дверь и с трудом втиснулся в тесный салон.

Вид у Марины был невеселый и даже как будто сердитый, лицо покраснелось. По всей видимости, в отсутствие Крячко они с Ильей спорили на ту же тему – стоило ли оставлять Настю в квартире или лучше было выпроводить ее.

– Да не переживайте вы так из-за этой девицы, – посоветовал Крячко. – Все равно же уйдет.

– Если бы вы знали, насколько все это неприятно! – стиснув зубы, высказалась Марина. – Как будто в грязи вывалили!

– Ну, не стоит так реагировать. Вы-то здесь при чем?

– Да уж, отец начудил на старости лет!

Крячко отметил, что Марина называет Водопьянова отцом, хотя родным он ей не был.

– Ну, Марин, это все-таки больше твоей мамы касается, чем тебя, правильно? А для тебя-то он, наверное, много хорошего сделал. К тому же его больше нет. Так что ты уж постарайся, прости и забудь!

– Вы что же, одобряете подобное поведение? – с возмущением повернулась к нему девушка.

– Я ведь не священник, – пожал плечами Крячко. – Моя задача – узнать, кто его убил, и все.

– Ах да! – спохватилась Марина. – Мама говорила, что обратилась к знакомому из полиции. Это вы и есть, да?

– Можно сказать и так, – не стал вдаваться в объяснения Станислав.

– И что же вы выяснили?

– А вот вы мне и помогите! – не растерялся Крячко.

– Мы? – Марина бросила взгляд на жениха. – Но чем?

Он, собственно, и сам не знал, чем конкретно эта парочка могла бы помочь, так как был почти не в курсе семейной драмы Водопьяновых, Гурова слушал вполуха и, честно говоря, не особенно интересовался этим делом. Выпросил это поручение только для того, чтобы поскорее смыться из главка.

– Ну вот, к примеру, какие у вас есть предположения по поводу гибели отца? – Крячко не стал называть Водопьянова отчимом.

– А какие у нас могут быть предположения? – удивилась Марина.

– Но ведь он не от сердечного приступа умер! Его убили. Причем задушили! Убийство-то довольно жестокое, а? И подлое. Подойти сзади, набросить удавку и...

Марина передернулась, услышав такие подробности, а Илья, нахмурившись, проговорил:

– Пожалуйста, не надо, у Марины слабая нервная система, ей нельзя волноваться.

– Это я как пищу для размышлений, – пояснил Крячко, – чтобы легче было представить себе личность убийцы.

– Но мы не знаем такого человека! – воскликнула Марина. – Как мы можем его представить? Может быть, это кто-то чужой, незнакомый!

Крячко не успел ничего на это сказать, как вновь вмешался Илья:

– Мне кажется, нужно зайти с другой стороны.

– Да? И с какой?

– Нужно искать мотив! Это самый логичный путь. И самый короткий. Убивает тот, кому это выгодно. Нужно обозначить круг этих лиц, затем проверить алиби каждого, ну, а дальше дело техники. Вот так, методом исключения вы и найдете убийцу!

– Молодец, парень! – с восхищением воскликнул Крячко. – Ты, часом, криминалистику не изучаешь?

– Нет, я изучаю философию, – ответил Илья. – Приходится много читать, в том числе и материалы по логике, по диалектике. Вот, к примеру, с точки зрения диалектики...

– А алиби у вас есть? – прервал его Крячко.

Илья застыл с раскрытым ртом на полуслове, потом поправил очки и сказал:

– Понимаю. Вы вняли моему совету. Ну что ж, не знаю уж, насколько железным вы сочтете наше с Мариной алиби, но мы были вместе.

– Где? – уточнил Стас.

– У меня дома.

– Так, а фамилия твоя как? Документики можно взглянуть?

Илья полез в карман куртки и достал паспорт. Крячко открыл его и прочитал: «Кулешов Илья Сергеевич».

– Ты где работаешь, Илюх? – поинтересовался он.

– Я пока учусь в МГУ, в аспирантуре, – покраснев, ответил Илья.

– Угу, – хмыкнул Крячко, – от армии, значит, косишь.

– Почему это? – возмутился Кулешов.

– Ладно, ладно, шутю я. То есть вы алиби друг друга подтверждаете, – резюмировал Крячко.

– Конечно! – мотнула головой Марина. – А почему вы вообще нас допрашиваете? – Она сделала упор на слове «нас».

– Так вы мне попались, вот и беседую. Не допрашиваю! – подчеркнул Крячко. – СК ведь тоже с вами общался? Ну вот, – удовлетворенно проговорил он в ответ на кивок Марины. – И наверняка интересовался, кто где находился в ночь убийства из членов вашей семьи. Вы, кстати, это знаете?

– Нет, я же у Ильи ночевала, – пожала плечами Марина. – Но что значит, где находился? Дома, разумеется! И мама, и Кристина, и Костя! Они разве вам не сказали?

Крячко промолчал, вместо этого заговорив о другом:

– А вы сейчас куда направляетесь?

– Я отвезу Марину домой и поеду к себе, – сказал Илья и повернулся к невесте: – Тебе не стоит сейчас оставлять маму одну.

Марина хотела что-то возразить, но не стала.

– А ты где живешь? – спросил Станислав.

– В Бутове, я там квартиру снимаю на Горчакова.

– Слушай, так нам же практически по пути! – обрадовался Крячко. – Давайте-ка совместим приятное с полезным. Вы меня до дома подкинете, а заодно и побеседуем по дороге.

– Хорошо, – кивнул Илья. – А вам куда?

– Да тут рядом совсем, ну, небольшой кружочек только сделаем. – И Стас назвал адрес.

«Небольшой кружочек» на деле представлял собой крюк в несколько районов, однако Кулешов не стал возражать. Он завел мотор, и «Дэу» не спеша покатила по дороге.

– Слушай, как ты машину-то водишь? – посмотрел на толстые линзы Кулешова Крячко.

– Я в очках отлично вижу, – сообщил тот. – Никаких проблем.

– Ну, гляди, – с сомнением покачал головой Стас, на всякий случай следя за дорогой и за движениями Ильи. Как ни странно, вел он машину вполне сносно, и он немного успокоился. – А вы, ребята, вообще откуда узнали, что в этой квартирке живет Настя? Вы знали, что у отца с ней шуры-муры?

– Мне мама рассказала только после... После того, как все случилось, – насупившись, ответила Марина. – Я подняла вопрос о квартирантах, сказала, что их нужно предупредить о том, что отца больше нет, и попросить подыскивать новое жилье. Я бы спокойно разрешила им жить там до тех пор, пока они не подберут подходящий вариант. А тут мама начала мяться, даже заплакала, ну, я ее и прижала к стенке.

– Ну, а ты что? – спросил Крячко.

– А что я? Я была в шоке! И позиция мамы меня просто взорвала! Я настолько возмущалась, что открыто высказала ей все, что думаю об этом. Как можно было спокойно терпеть такое положение вещей и делать вид, что ничего не происходит! Это же просто отсутствие самоуважения – так я ей и сказала!

– Напрасно ты это сделала, – заметил Илья, не отрывая глаз от дороги. – Момент совсем неподходящий. Представь, в каком мама состоянии после случившегося.

Марина лишь всплеснула руками, давая понять, что никак не может принять позицию Ильи. Она уже собралась горячо отстаивать свою точку зрения, но Крячко, которого эта сторона проблемы вообще не волновала, поспешил вклиниться:

– Так ты что, хотела прямо сегодня туда въехать?

– Ну, если не сегодня, то в самое ближайшее время, – сухо произнесла Марина. – А что такого? Это моя квартира, я имею право! Почему Илья должен снимать квартиру, когда у меня есть своя? Неважно, что мы еще не женаты, это скоро произойдет. Мы планировали свадьбу на лето.

– Ну, теперь вообще непонятно, как все будет, – уклончиво проговорил Илья.

– Что ты имеешь в виду? – резко обратилась к нему Водопьянова.

– Ну, все это... Смерть твоего отца...

– И что? Чем она мешает нам пожениться?

Илья помялся, незаметно показал кивком на Крячко – мол, не стоит при посторонних обсуждать свои отношения, но все же сказал:

– В общем, нужно дожить до лета.

– И доживем, при чем тут это? – не отставала Марина.

– Ну, мало ли... Твой отец вон не дожил, хотя, наверное, собирался.

Марина вспыхнула и надулась.

«Да, девонька так спешит замуж, что ничего вокруг, кроме этого, не видит, – отметил про себя Крячко. – Боится, как бы жених, чего доброго, не улепетнул. Впрочем, ничего удивительного с ее изъяснениями. Хотя... Сама по себе она совсем не уродина, тощая, правда. Ее бы откормить немного, приодеть поинтереснее – и вполне. А что хромает – ну, что ж теперь? Не смертельно! Ей же не стометровку бегать. Женишок-то у нее сам не Аллен Делон. В общем, нашли друг друга».

В это время они как раз выехали на улицу, где находился дом Крячко.

– Ну что ж, ребята, спасибо! – поблагодарил Станислав. – Удачи!

Скрючившись и матерясь про себя, он выбрался наконец из малюсенькой машинки и зашагал к своему двору, разминая на ходу затекшие руки и ноги.

Глава 4

Сев в машину по выходе из главка, Гуров созвонился с Григорием Дмитриевичем Бортниковым, чей номер дала ему Маргарита Водопьянова. Бархатистый голос Бортникова звучал устало. К удивлению полковника, Григорий Дмитриевич предложил встретиться не у него дома, а в офисе фирмы «Ваш дом». Однако Гуров не стал спорить и направил свой автомобиль на Тверской бульвар.

Когда он подъехал к офису Бортникова, было около семи вечера.

«Что он делает в офисе в такое время, да еще в день убийства своего компаньона? – недоумевал полковник, поднимаясь по лестнице на третий этаж. – Впрочем, сейчас выясню».

Он подошел к двери с вывеской «ВАШ ДОМ» и открыл ее. Сидевший за столом мужчина поднялся ему навстречу с приглашающим жестом:

– Добрый вечер, проходите, Маргарита рассказала, что обратилась... – и вдруг осекся на полуслове. Рука, приготовленная для рукопожатия, повисла в воздухе.

Гуров остановился. Несколько секунд мужчины удивленно мерили друг друга глазами, после чего Гуров тупо спросил:

– Вы Бортников?

– Да... – чуть растерянно проговорил мужчина. – А вы... Я думал, вы от Маргариты, по поводу...

– Так оно и есть, – подтвердил Гуров, уже узнавший в Бортникове мужчину на черном джипе, который вчера нервно вел свой автомобиль поздним вечером. Того самого, что говорил, будто возвращается со встречи с другом...

Бортников помедлил, по-прежнему плохо понимая суть сложившейся ситуации.

– Так вы... Вы из полиции? – уточнил он.

– Да. – Гуров достал свое удостоверение, но тут же предупредил: – К вам я пришел неофициально, по просьбе Маргариты Водопьяновой, и к нашей с вами вчерашней встрече этот визит отношения не имеет.

– Ну надо же, – помолчав, вымолвил Бортников. – Бывают же такие совпадения! Ну что ж, проходите, присаживайтесь.

Гуров опустился в мягкое кресло. Офис фирмы «Ваш дом» был обставлен дорого, а сам Бортников выглядел вполне респектабельно. Высокий, плечистый, шевелюра густых каштановых волос была без единого признака седины. Немного не вязались с его хорошим модным костюмом мешки под глазами и общий усталый вид.

– Кофе хотите? – спросил он, потирая виски.

– Не откажусь, – кивнул Гуров, и Бортников, позвонив секретарше, попросил принести две чашки.

– Устал смертельно, – пояснил он. – Постоянно приходится взбадриваться. Все эти события меня из колеи выбили. Ночь была почти бессонная, утром позвонила Маргарита, потом ездили с ней в Лесное...

– А почему вы сейчас на работе? – спросил Гуров. – После таких событий не логичнее ли было остаться дома? Даже если есть запланированные дела, то со смертью компаньона их, наверное, можно и отложить?

– Да я здесь не по делам! – махнул рукой Бортников. – Я специально сюда приехал из дома, чтобы принять вас здесь.

– Но зачем? Почему нельзя было поговорить у вас дома?

– Да... – замялся Бортников, – там жена. Она сразу начнет волноваться из-за визита полиции, а мне этого совсем не хочется.

Гуров нахмурился. Что-то во всем этом ему не нравилось. Тут открылась дверь, и секретарша внесла две чашки кофе на подносе.

– Значит, вы вчера как раз возвращались из Лесного? А встреча с другом – это с Водопьяновым? – отпивая из своей чашки, спросил Гуров.

– Ну да, – ответил Бортников и сделал сразу несколько глотков.

– А кто вообще предложил встретиться и по какому поводу?

– Алексей и предложил. А повод... Поговорить он хотел со мной.

– А почему именно в Лесном, да еще поздно вечером? Разве вы не могли побеседовать днем в офисе?

– Меня вчера здесь не было, встречался с клиентами на объектах. Весь день был расписан по минутам. Освободился поздно и сразу отправился в Лесное. Даже домой не успел заехать, чтобы переодеться.

– И что за срочный такой разговор? По рабочим делам?

– Ну, в первую очередь да. Нужно было обсудить кое-что.

– Что? – прихлебывая крепчайший и очень вкусный кофе, спросил полковник.

– Да это не имеет отношения к делу, – отмахнулся Бортников. – Обычные рабочие моменты. Бизнес.

– И все же, – спокойно, но настойчиво повторил Гуров.

– Ну, если вам так интересно... – пробормотал Григорий Дмитриевич. – В последнее время, если вы в курсе, дела у риелторов идут не слишком хорошо. Пресловутый экономический кризис бьет и по нам. Рынок недвижимости, можно сказать, встал.

– Но вы сами только что говорили, что весь вчерашний день провели во встречах с клиентами, – напомнил Лев.

– Да, но пятьдесят процентов из них так и остались просто встречами. Пока никаких договоров не подписано, и неизвестно, будет ли подписано. Это не только у нас – все страдают. Люди не вкладывают деньги в недвижимость, а предпочитают держать их при себе. Многие не решаются затевать строительство, потому что не уверены в том, что смогут довести его до конца. Все боятся потерять деньги! Вот мы с Алексеем и договорились обсудить дальнейшие пути развития нашего бизнеса. Нужно приспосабливаться к новым условиям, искать пути повышения продаж.

– Такое положение сильно ударило по состоянию вашей фирмы?

– Ну, пока не очень. Фирма довольно крепко стоит на ногах. Мы работаем уже много лет, капитал собран приличный. И потом, это не первый кризис в нашей жизни. Правда, он оказался сильнее прежних и ударил сильнее, но не настолько, чтобы считать ситуацию катастрофической. Но, как я уже говорил, к смерти Алексея это отношения не имеет.

Гуров допил кофе и поставил пустую чашку на стол.

– Я слышал версию Маргариты о событиях вчерашнего вечера, но мне бы хотелось узнать от вас, как все произошло. Как прошла ваша встреча с Водопьяновым? Во сколько, кстати, вы встретились?

– Я приехал в Лесное около десяти вечера. Алексей был там один и ждал меня. Мы обсудили все, что наметили, и я уехал домой, а Алексей остался на даче. Дома я оказался уже после полуночи, сразу лег спать, но долго ворочался – голова болела. К утру только заснул, и тут позвонила Маргарита, сказала, что муж не вернулся. Я сразу позвонил ему, но Алексей не отвечал. Я, может быть, и не стал бы бить тревогу, мало ли... может быть, заснул крепко. Он, кстати, выпил довольно много. Но Маргарита была просто сама не своя и все просила меня съездить вместе с ней. В конце концов я согласился, мы поехали и нашли Алексея мертвым. Вот, собственно, и все.

Гуров, внимательно выслушав Бортникова, постучал пальцами по столу и, посмотрев прямо в глаза Григорию Дмитриевичу, отрывисто произнес:

– О чем вы говорили с Водопьяновым? В каком он был настроении? Каким вы его оставили? Говорил ли он о своих планах и каковы они были? И вообще, почему он остался один на даче, в то время как вы поехали домой? Что он там делал? Собирался встретиться с кем-то еще? Как видите, вопросов много. И, чтобы не отвечать на каждый из них, давайте вы просто сами обрисуете картину вашей встречи.

– Хорошо, – не стал возражать Бортников. – Тем более что рассказ мой не займет много времени. Хотите еще кофе?

– Да, можно, – кивнул Лев.

Хотя время было уже довольно позднее для кофе, но полковнику понравился приготовленный секретаршей Бортникова напиток. Лучше варила только Мария, и это было, пожалуй, единственное, что получалось у нее отменно. В остальном жена его не слишком дружила с кулинарией, предпочитая питаться в театральном буфете, а дома обходиться бутербродами, полуфабрикатами или готовой пищей. Сам же Гуров в еде был неприхотлив, к тому же многие блюда научился готовить сам, и выходило у него это куда лучше, чем у супруги. Но вот кофе... Кофе был фирменной фишкой Марии, и она этим очень гордилась. Кофе в фирме «Ваш дом» ненамного уступал, и Гуров с удовольствием приложился ко второй чашке. Бортников осушил свою в несколько глотков, потер воспаленные, красные глаза и принялся рассказывать.

Григорий приехал в Лесное в половине десятого вечера, притормозив у ворот, посигналил, и вскоре ворота поползли вверх, приведенные в движение нажатием кнопки.

Бортников проехал внутрь, заглушил мотор и пошел по выложенной камнями дорожке к дому. Окна были освещены, на пороге он заметил фигуру Водопьянова. Тот протянул ему руку со словами:

– Что-то ты долго.

– Ох, с последним клиентом долго провозился. Все смотрел по десятому кругу...

– Это на Баррикадной?

– Нуда.

– И как? Толк хотя бы есть? Будет брать?

– Черт его знает... – с сомнением проговорил Григорий. – Пятьдесят на пятьдесят, я бы сказал. Прикидывал, прикидывал... Ему хозяин и так «сотку» скинул, а он все не решается. Короче, попросил подумать до конца недели.

– Ну ладно, пойдем. – Водопьянов повернулся к Бортникову спиной и исчез в дверном проеме. Григорий последовал за ним.

Дача Водопьянова представляла собой двухэтажный дом из красного кирпича, небольшой, но очень добротно выполненный.

– Ну что, давай за стол, – пригласил хозяин, направляясь к холодильнику в кухне.

– Давай, давай, я голодный, как не знаю кто, – радостно кивнул Бортников и, пройдя в гостиную, присвистнул: – Ух ты!

Стол в гостиной был накрыт. В центре стояло блюдо с жареной курицей, тарелка с нарезанными ветчиной и сыром, две большие пиццы, мисочки с маринованными грибами и огурцами. Из кухни появился Водопьянов с запотевшей бутылкой водки в руках.

– Аки слеза, – произнес он, откупоривая бутылку и разливая водку по рюмкам. – Ну, давай за успех наших дел!

– Да я же за рулем! – отказался Бортников, которого сейчас больше интересовала закуска, нежели выпивка.

– Да ладно, по одной! – подмигнул ему Водопьянов. – Все выветрится.

Бортников быстро выпил и с жадностью принялся за еду. Водопьянов ел не так много и периодически подливал себе водки. Взгляд его серых глаз понемногу туманился.

– Значит, говоришь, не подписали... – задумчиво проговорил он. – За прошлый месяц – только одна сделка. За всю зиму – две. Мало!

– Ну, а что ты хочешь? У всех так! Я с Сотниковым созванивался, он говорит, у него вообще тишина! А ведь не последняя фигура на рынке, нам не уступает! К тому же тут еще праздники чередой прошли – Новый год, Двадцать третье, Восьмое марта... народ потратился, без денег сидит. Да многие еще и не протрезвели толком!

– Те, кто не протрезвел, недвижимость не покупают! – мрачно отрезал Водопьянов. – Будешь еще? – кивнул он на бутылку.

– Нет, хватит.

– Придется одному пить, как алкоголику, – усмехнулся Алексей и махом опустошил стакан, после чего откинулся в кресле и закурил. – Хорошо пошла, расслабила наконец-то.

– Слушай, а с чего ты вообще так напрягся? Ну, рынок стоит, понятное дело, неприятно. Но это же временное явление! Застой всегда бывает!

– Застой, застой... – пробормотал Водопьянов. – В том-то и дело.

– Что-то с тобой неладное происходит, Леша. Случилось что? – внимательно посмотрел на него Бортников.

– Не-а, – покачал головой Алексей. – Ни-че-го! – И снова выпил.

– Да куда ты так гонишь-то, – попытался остановить его Григорий. – Сейчас захмелеешь разом.

Впрочем, присмотревшись к Водопьянову, он заметил, что тот уже порядком опьянел. Скорее всего он давно не ел, и водка сейчас пошла на голодный желудок. Глаза Водопьянова подернулись хмельной поволокой, голос стал нетвердым.

– А я, может, и хочу напиться. И забыться, – глуповато хихикнул он.

– Ну, напейся, – пожал плечами Бортников. – Посиди тут один, побалдей, отдохни. В офисе все равно пока делать нечего. И особенно ничего не придумашь. Рекламу давать бесполезно – не сработает. Спецпредложения? Скидки? Да цены и так упали процентов на десять! Куда еще снижать?

Водопьянов кивал, но мыслями, кажется, был где-то далеко.

– Да у тебя самого кризис, что ли? – спросил Григорий. – Среднего возраста? Потому и малолетку эту завел?

– Не такая уж малолетка – двадцать пять лет, – возразил Водопьянов. – На десять лет моложе твоей жены.

– Ну, десять лет – разница большая, – заметил Бортников. – К тому же это жена, не путай. Или... – Он вдруг пытливо всмотрелся в лицо Водопьянова: – Или ты на ней жениться вздумал?

– Да боже сохрани! Ты что, Гриша? Как тебе такое в голову пришло?

– А что? Многие мужики после сорока жен меняют на новых, молодых. Что, Маргарита тебе надоела? Или старой кажется?

– Маргарита, может, и наскучила немного, но не в этом дело. Разводиться я с ней не собираюсь. Просто... Черт его знает, как объяснить! Вот ты говоришь – застой... А у меня в жизни застой, понимаешь? Во всем застой! У тебя вон жена беременная, родит скоро – новый виток, понимаешь? А там, глядишь, и второй появится. Потом дом вы собирались строить, квартиру менять. Дальше – внуки пойдут. А у меня... У меня что? Ничего. У меня все уже БЫЛО.

– Ну, внуки и у тебя не за горами, – возразил Григорий. – Ты чего расхандрился? Сам ведь всегда хвастался, какие у тебя дети! Ты же детей любишь, Леша! Риткиных как своих воспитываешь, я же вижу. Тебе сорок семь, у тебя трое! Мне почти столько же, а у меня пока никого. Какое «было»? Почему «было»? И у тебя еще многое впереди!

Водопьянов кивнул, но без энтузиазма. Он налил себе еще водки и продолжил:

– Не совсем ты меня понял... Черт, да я сам себя до конца не понимаю! Просто я вдруг почувствовал, что сам по себе никому не нужен. Жизнь как-то впустую проходит! Детям нужен как отец, чтобы воспитывать, деньги давать, проблемы их решать. Маргарите – тоже как кормилец-поилец, хозяин, твердое плечо. А я? Я сам? Я кому-нибудь интересен? – Водопьянов, наклонившись к Бортникову и ухватив за рукав, тряс его, пьяно заглядывая в глаза. – С Риткой спим пару раз в месяц, больше ей и не нужно! Не проявлял бы инициативу – она бы сама и не вспомнила!

– Ну, у нее, может, климакс... Пройдет, – предположил Григорий.

– Может... Может, и у меня тоже, не знаю! А тут как раз с Настькой познакомился. Молодая, красивая, ну, мне в голову ударило, конечно. А потом... Потом то же самое! Все к одному свелось: то купи, это, туда своди, сюда...

– А ты как хотел? – усмехнулся Бортников. – Думаешь, за красивые глаза она с тобой спит?

– Вот, вот! – мотнул головой Водопьянов. – Не жаба меня душит, тряпки эти – да на, не жалко! Но ты меня тоже воспринимай как человека, а не банкомат! Просто по-человечески поинтересуйся, расспроси – как дела, то-се... Нет, только свои интересы на уме! Сам я – да хоть провались, глубоко наплевать! А лучше всего, чтобы я вообще не появлялся, а деньги ей на карточку переводил! Понимаешь?

– Да уж, чего тут не понимать, – с иронией проговорил Бортников. – Но это с самого начала ясно было! Леша! Ты что, всерьез считаешь, что мы интересны молодым девкам? Да если бы у тебя денег не было и ты к ней не на «мерсе» подъехал, а на метро, она бы на тебя внимание обратила? Честный бизнес! Она с тобой спит – ты ей платишь! Или ты там что-то себе нафантазировал? – Бортников хохотнул, наблюдая за смущенным лицом Водопьянова. – Ну, ты даешь, Леша! Романтическим идеалом вдруг страдать начал? Ты это бросай! В твоём возрасте романтические идеалы опасны – они разбивают сердце, а главное – оставляют без штанов!

– Хватит стебаться! – поморщился Водопьянов. – Самому тошно!

Но Бортников разошелся и с удовольствием продолжал язвить:

– Слушай, а ты стихи не пишешь, часом? Насте своей не посвящаешь, нет? А что? Зря! Ты подумай! Может, грубый и скучный риелторский бизнес бросишь, начнешь книжки издавать? У тебя юная муза, источник вдохновения!

– Гриша, щас в зуб дам, – процедил Водопьянов. – Заткнись, а? Я тебя для того позвал? Чтобы ты меня носом тыкал, как котенка, в дерьмо? Друг называется!

– Ладно, ладно, – примирительно проговорил Бортников. – Просто я хочу, чтобы ты избавился от иллюзий и не искал богиню там, где ее в помине нет. Займись лучше делом. По себе знаю, в таких случаях безделье – главный враг.

– Каким делом? Сам говоришь, на работе делать нечего.

– Увлечение какое-нибудь найди. Бассейн, бильярд, вышивание крестиком! В качалку пойди, в конце концов! Не все ж деньги зарабатывать, нужно и тратить. На себя. Как говорится, полюби себя сам – и тебя полюбят другие. Это я недавно на сайте прочитал каком-то психологическом. Жена у меня читала, страничку оставила открытой.

– Ты лучше скажи, что с Настькой делать? – деловито спросил Алексей.

– Вот, в тебе проснулся природный практицизм. Молодец, уважаю! Что делать? Думаю, гони ты ее взащей! Все, любовь прошла, завяли помидоры, «бабки» кончились. Все равно ты ею уже переболел. Переболел ведь?

– Ну да. Теперь только напряги пошли. Да и Ритка про нее узнала, скандал был...

– Ну, ты тоже додумался – на своей квартире ее поселить! Странно было бы, если б она не узнала! К тому же квартира почти Маринкина! Она же это как святотатство воспримет, ты что!

– Ну да... Слава богу, пока дети не знают. Кристинка на сторону матери сразу встанет, Маринка вообще проблемная... Черт знает, что выкинуть может. Костя? Ну, Костя, может, спокойнее отреагирует, хотя... Сыновья, знаешь, порой больше дочерей за мать обижаются. Блин, вот мне еще этот геморрой! – выругался Водопьянов.

– Ладно, хватит причитать, разруливай поскорее, и все на свои места встанет. Ритка тебя простит – куда ей деваться? Столько лет прожили, трое детей. Тем более она баба не бешеная, поплачет в одиночку и успокоится.

– Ага! – скептически отозвался Водопьянов. – Зато месяцами потом дуться будет, отмалчиваться, а меня это просто вымораживает! Уж лучше бы прооралась и успокоилась. Как Кристинка. Та вспыхнет, накричит, а через пять минут уже улыбается – папуль, пойдём чай пить.

– Слушай, ей же уже двадцать в этом году будет, да? – припомнил Бортников, удачно переводя тему на детей и отвлекая таким образом Водопьянова от мрачных мыслей.

Прием сработал: Алексей сразу оживился и принялся рассказывать о Кристине, попутно упоминая Марину и Костю. Чувствовалось, что детей он искренне любит и не делит на своих и чужих, даже таких взрослых. Особенно волновала его судьба Марины, у которой из-за врожденного заболевания были проблемы в общении, в том числе и с противоположным полом. Но сейчас, кажется, они решились, потому что у нее появился ухажер. И они даже собираются пожениться.

О последнем факте Водопьянов сообщил как-то озабоченно.

– Так это же здорово! – воскликнул Бортников. – Глядишь, все и сложится у нее, а вы с Риткой переживали!

– Не знаю, не знаю... – вздохнул Водопьянов. – Я почему за нее боюсь, Гриша? Она ведь инвалид. Но – при деньгах! Понимаешь? Как бы не подцепил ее какой-нибудь урод в корыстных целях. Будет потом обижать. А ей нервничать нельзя, с сердцем плохо делается. Вдруг вместо счастья несчастной на всю жизнь останется?

– А ты видел этого жениха? Что он собой представляет?

– Да очкарик какой-то невразумительный! – махнул рукой Водопьянов. – Денег от такого не дождешься! Будет всю жизнь в каком-нибудь НИИ штаны протирать!

– Да ладно тебе! Подумаешь, очкарик!

– Да не в том дело, что очкарик... – начал было Алексей, но Бортников перебил его:

– Ты не забывай, что у нее очередь из кавалеров на лестнице не стоит! А она – женщина, для нее это важно. Так что... Леша, без обид, но тут, как говорится, женихами не разбрасываются!

– Ладно, – проворчал Алексей. – Посмотрим.

– Ну, ожил, повеселел? – подмигнул ему Бортников. – Рано еще себя хоронить, а?

– Да рано, рано. Я уже практически в порядке.

– Ну, вот и славно, тогда я поехал. А ты давай спать ложись, завтра отоспишься и домой возвращайся. Тебе сейчас лучше одному не оставаться.

– Я так и собирался, – мотнул головой Алексей. – Завтра приеду на работу, Леша.

– Ну давай, – пожал плечами Бортников. – Я не возражаю.

Водопьянов проводил друга до ворот и, когда тот отъехал, вернулся к дому и присел на кирпичное крыльцо. Ночью стало прохладно, но после выпитого он не ощущал холода. Посидел некоторое время, с наслаждением втягивая ноздрями свежий воздух, после спиртного казавшийся особенно вкусным. И только когда почувствовал пробиравшийся под одежду ветер и покалывающие мурашки, поднялся и вошел в дом.

В бутылке оставалось еще немного водки. Алексей вылил ее в рюмку, допил и устроился в углу перед камином в кресле-качалке, завернувшись в мягкий плед. Неторопливо раскачиваясь, он погрузился в дремоту, из которой его вывел прозвучавший звонок в ворота...

– То есть вы уехали из Лесного около двенадцати ночи, оставив Водопьянова одного в более-менее успокоенном состоянии? – кивнул Гуров, когда Бортников закончил.

– Ну да, так все и было.

– И больше не возвращались?

– Нет, зачем? Я поехал домой, у меня и так там жена одна. Я стараюсь ее одну надолго не оставлять – она скоро родить должна. Тридцать пять лет, первая беременность, сами понимаете.

– Понятно. Вам кто-нибудь встретился по дороге?

– Встретился, – улыбнулся Бортников. – Вы. Помните? Это было примерно в половине первого ночи. Так что вы в некотором смысле мое алиби! Сам полковник МВД! Железное алиби!

– Ценю ваше чувство юмора, Григорий Дмитриевич, – улыбнулся в ответ Гуров. – Но если бы все было так просто... Я имел в виду, встретился ли вам кто-нибудь в Лесном? До того, как вы выехали на трассу?

– В Лесном? Да я внимания не обратил... Вроде бы нет.

– А вообще, народу много было в поселке? Ну, многие дома были освещены?

– Да, многие, – подтвердил Бортников. – Там же не только дачи, некоторые круглый год живут, так что людей хватает.

– Ас кем-нибудь из соседей по даче Водопьяновы общались? Или сам Алексей?

– Я знаю, что у них были приятельские отношения с Лазаревыми. Это соседи по даче, их дом справа от Водопьяновых.

– Что за Лазаревы? Что они собой представляют?

– Обычная семья, – пожал плечами Григорий. – У мужа адвокатская контора, мы к его услугам прибегали несколько раз. Жена – психолог. Взрослый сын живет отдельно.

– А вчера они были на даче?

– По-моему, свет у них не горел, – наморщив лоб, ответил Бортников.

– Имя-отчество Лазарева можете назвать? И московский адрес? – Гуров достал записную книжку.

– Владимир Павлович. Домашнего адреса не знаю, знаю только адрес конторы, это на Сухаревке. А вам-то зачем?

– Ну, дополнительные свидетели не помешают, – записав все данные, сказал Гуров. – Григорий Дмитриевич, а вы сообщили об этом следователю из комитета?

Бортников замолчал и помрачнел. Гуров так же молча ждал от него ответа.

– Нет, – наконец проговорил Бортников, отвернувшись к окну.

– Почему?

– Потому что... Потому что, если им надо, пусть сами выясняют! – огрызнулся Бортников. – А я ни в чем не виноват.

– Вы сделали большую глупость, Григорий Дмитриевич, – покачал головой полковник. – Во-первых, они это выяснят, не сомневайтесь, причем очень легко и скоро. И тогда с вами будут разговаривать уже по-другому. Отношение к вам будет иное, понимаете? Появятся основания для задержания.

– Но я ни в чем не виноват!

– А вот это пока не установлено доподлинно, – возразил Гуров.

– Черт, вот я как раз не хотел, чтобы меня задерживали, потому и умолчал! Я же говорю – у меня жена беременная, нельзя ее одну оставлять. А если бы меня забрали?

– Могли и не забрать, – возразил Гуров. – А теперь заберут обязательно.

Бортников растерянно посмотрел на дверь, как будто сейчас в кабинет должны были ворваться автоматчики.

– И что же делать? – спросил он. – Может, уехать?

– Даже не вздумайте! – резко воспротестовал Гуров. – Это будет практически признанием вины. СК не станет долго заморачиваться, возьмет вас по «горячим» следам и начнет давить и выжимать признание. Могут и вовсе передать дело в суд, а там уж, как говорится, как повезет. Может, вас и не посадят, но нервы поматают изрядно. К тому же продлится это долго.

– И что же делать? – растерянно повторил Бортников.

– Ну, пока ответьте на мои вопросы. – Гуров посмотрел на часы. Он понимал, что СК может нагрянуть сюда в любую минуту, как только им станет известно, что Бортников был в Лесном прошлой ночью. Время терять не следовало, и Лев спросил: – А у вас самого есть предположения, кто мог убить Водопьянова?

– Понятия не имею, – тут же ответил Бортников.

– Могут это быть профессиональные проблемы? Конкуренты, к примеру?

– Да вы что! – засмеялся Бортников. – Во-первых, с конкурентами мы так или иначе знакомы, общаемся. Из тех, что представляют значимость на рынке, я со всеми знаком. Вполне адекватные люди, не бандиты, не убийцы. Во-вторых, зачем убивать кого-то из конкурентов? Наша фирма ведь все равно продолжает функционировать! И потом – на даче, ночью... Никто и не знал, что он туда поедет, только свои. И впустить ночью в дом он мог только своего. Вот и получается, что я ответил на ваш вопрос.

– То есть высказали предположение, кто мог его убить? Кто-то свой. Так получается?

– Получается, так, – согласился Бортников. – Хотя мне невозможно представить, кто из своих мог это сделать. Если вы имеете в виду членов семьи, то это бред.

– Кстати, кто-нибудь знал о том, что вы должны с ним встретиться?

– Я никому не говорил, а Алексей – не знаю. Ну, Рита знала, конечно. Дети, наверное. Ну и что?

– А здесь, в офисе?

– Я особо не скрывал этот факт, – признался Григорий. – В этом же не было никакой тайны! Секретарша знала, к примеру.

– Она давно у вас работает?

– Пять лет, – ответил Григорий Дмитриевич и улыбнулся: – И убивать Алексея у нее никаких причин не было. Он ей нормально платил, даже в кризис не уволил и зарплату не урезал, как поступили многие наши коллеги.

– А о любовнице Водопьянова что можете сказать?

– О ней я уже все сказал, и большего она не заслуживает. Совершенно незначительная личность. Стандартная история о «стареем кошельке» и продающейся ему блондинке.

– Как вы цинично охарактеризовали их отношения, – усмехнулся Гуров.

– Как есть, – пожал плечами Григорий. – Но как бы к ней ни относиться, а убивать ей смысла нет. После его смерти она пробкой вылетает из квартиры и лишается денег. Остается у разбитого корыта, по сути.

– А Алексей Викторович случайно не включил ее в завещание?

– Да вы что! – Бортников посмотрел на полковника как на больного на голову. – Алексей был далеко не дурак. Он все завещал жене и детям. Кстати, как раз Лазарев помогал ему грамотно составить завещание. Это было где-то года два назад.

«За два года многое могло измениться», – подумал Гуров, а вслух спросил:

– А в вашей фирме среди сотрудников нет кого-то, кто мог желать смерти Водопьянову?

– С какой стати? – хмыкнул Бортников.

– Вот вы только что говорили, что ваши коллеги начали массово увольнять сотрудников в условиях кризиса. Секретаршу, допустим, вы оставили. А кого-то другого?

– Никого мы не увольняли, у нас и сотрудников-то... – начал Бортников, но вдруг замолчал на полуслове.

– Что такое? Вы что-то вспомнили?

Он неопределенно развел руками, словно сомневаясь, потом сказал:

– Я просто не хочу увести вас по ложному следу. Так можно приплести сюда целую кучу персонажей, которые не имеют отношения к убийству и только расширят круг подозреваемых.

– Ну, сейчас его не мешало бы расширить, потому что пока он вообще не определен или же определен очень расплывчато, – высказал свои соображения Гуров.

– Хорошо, – сдался Бортников. – Был не слишком приятный инцидент с одним из сотрудников. Его действительно пришлось уволить, но только по его собственной вине – он повел себя не очень добросовестно, и с ним пришлось расстаться. При увольнении он повел себя довольно грубо и агрессивно, накричал всяких гадостей и угроз и ушел. Но убить Алексея он не мог.

– Почему вы так уверены?

– Потому что он прямой и дубоватый, такие действуют тупо и прямолинейно. Могут, например, проломить голову. Но чтобы вот так – подкрасться сзади с удавкой... Не он. Такие способны только размахивать руками и угрожать криком, что он и делал.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Гуров. – Вы с ним встречались после увольнения?

– Ну да, они встретились с Алексеем в ресторане. Случайно. Игорь был пьян, начал задираться. Вспомнил прошлое, полез с кулаками...

– Вы присутствовали? – уточнил Гуров.

– Нет, мне Алексей рассказал.

– И чем дело кончилось?

– Ничем серьезным. Охрана их разняла, кажется.

– Когда это было?

– Пару недель назад.

– А увольнение?

– Месяца полтора-два.

– Так, теперь имя и адрес! – потребовал Гуров, доставая записную книжку.

Но Бортников не успел ничего добавить: со стороны приемной послышались голоса, затем дверь распахнулась, и вошедший мужчина громко произнес:

– Добрый день, Григорий Дмитриевич!

Гуров узнал его. Это был следователь Михеев из Следственного комитета. Он понял, что произошло то, чего он и ожидал: комитетчики выяснили, что Бортников находился ночью на даче в Лесном, более того, скрыл этот факт, и теперь пришли за ним.

– Собирайтесь, поедемте с нами, – сказал Михеев.

Бортников бросил взгляд на Гурова, и следователь невольно посмотрел туда же. Он узнал полковника и нахмурился:

– Гуров? А ты тут зачем?

– Успокойся, Михеев, я здесь, можно сказать, по личному делу.

– По личному! – усмехнулся тот. – Знаем мы вас! Опять управа нас обойти пытается!

– Нет, – покачал головой Гуров. – Давай-ка выйдем на минутку, я все объясню.

Михеев чуть поколебался, но все-таки вышел вместе с Гуровым из кабинета. Там остались его подручные и Бортников.

– Слушай, Андрей, – прислонившись к стене, заговорил Лев. – Я тут действительно по личному вопросу. Дела Водопьянова у меня официально нет. Более того – оно мне не нужно. У нас комиссия, поговаривают, грядет.

– А, слышал! – протянул Михеев. – Так ее вроде отменили?

– Seriously? Это точно?

– Не знаю, слышал от кого-то. Так что с делом Водопьянова? Имей в виду, мне совсем не надо, чтобы управа под ногами путалась! Потом опять заморочки пойдут, как лавры делить.

– Все лавры я заранее уступаю тебе. Слово даю, – подчеркнул Гуров. – Только одна просьба – дай разговор закончить. Мне последний вопрос осталось задать.

– Только в моем присутствии! – заявил Михеев.

– Ладно, – махнул рукой Лев, и они вернулись в кабинет.

– Так что там с моим вопросом, Григорий Дмитриевич? – обратился к Бортникову Гуров.

– Вот. – Вместо ответа тот протянул ему бумажку, которую Гуров быстро спрятал в карман.

– Так, Гуров! – прикрикнул Михеев. – Что задела? Что там у тебя?

– Адрес общего знакомого, Андрей. Не волнуйся, к тебе отношения не имеет. Ну, бывай! Созвонимся, если что. – И Гуров быстрыми шагами вышел из кабинета Бортникова.

Спустившись вниз, он сел в свою машину и двинулся вперед. Отъехав от здания фирмы «Ваш дом», развернул бумажку и прочитал: «Ковальчук Игорь Иванович». Дальше шел адрес, но не домашний, а конторы, в которой тот работал.

Лев посмотрел на часы. Время – девять, Ковальчука в конторе скорее всего уже нет. Да и не хотелось полковнику им заниматься! Он и так сегодня достаточно потратил личного времени на дело Водопьяновой. К тому же хлопоты в связи с предстоящей комиссией здорово его утомили, и он с чистой совестью отправился домой.

Глава 5

Прибыв утром в главк, Гуров обнаружил в кабинете своего напарника Стаса Крячко с крайне кислым выражением лица. Причина тому была ясна, более того, она сидела рядом в виде молодого двадцатилетнего Коли Денисова. Генерал-лейтенант Орлов, не будь дурак, перехватил утром Крячко прямо у проходного пункта. Едва Станислав вошел в здание главка, как Петр Николаевич с сердечной улыбкой шагнул к нему, поинтересовался здоровьем и пожал руку. После чего торжественно передал ему на поруки этого юношу. При этом, сменив тон на строгий и безапелляционный, он потребовал, чтобы Крячко ежевечерне представлял ему отчеты о том, какие действия и мероприятия были проведены с участием стажера и какой прогресс был достигнут. Когда же Крячко попробовал вознегодовать, Орлов быстро распрощался, сославшись на дела, вышел из главка, сел в служебную машину и укатил в неизвестном для Крячко направлении.

– Не, ну вот ты скажи мне, зачем ты вообще в полицию пошел? – спросил Крячко у стажера, прихлебывая чай.

Перед Колей тоже стояла чашка, причем в ней был растворимый кофе, позаимствованный у Гурова. У него же была позаимствована, собственно, и сама чашка. Льву, который крайне трепетно относился к своим вещам, это совсем не понравилось, он нахмурился, но ничего не сказал и молча прошел к своему столу.

– С детства чувствовал желание пойти в полицию, – ответил стажер.

– К чувствам с доверием можно относиться только в детстве, – тут же парировал Крячко. – Когда человек вырастает, он обычно должен руководствоваться не эмоциями, а разумом.

– А я долго думал, размышлял, – со своей стороны возразил Николай.

Крячко скептически посмотрел на него и особенно заострил взгляд на его голове, словно хотел сказать – чем там он мог думать?

– А ты чего такой озабоченный, Лева? – спросил Крячко, переключив свое внимание на напарника.

– Да, ты прав, озабоченный.

Крячко явно обрадовался такой формулировке и собирался поязвить на этот счет.

– Чем же ты так озабочен? А, да, весна наступает, и все мы озабочены одним... – Он сделал паузу, а затем, повернувшись к стажеру, закончил фразу: – Премией к концу первого квартала.

– Ты особо не резвись насчет премии, – осадил его Гуров. – С этой комиссией как бы еще взыскания не получить.

– Так все же, чем ты озабочен, Лева? Неужели комиссией?

– Ковальчуком Игорем Ивановичем, – ответил полковник.

– Что за персонаж? – удивился Крячко.

– Это бывший компаньон убитого Водопьянова. И мне необходимо с ним побеседовать. Но, поскольку у нас на носу планерка, а также комиссия, вот я и ломаю голову, как мне все это совместить.

– А планерки не будет, – неожиданно сообщил Станислав. – Петра в министерство вызвали.

– Ты это точно знаешь?

– Да, он мне встретился. Не успел в главк приехать, и вот это... – бросил Стас небрежный кивок в сторону Коли Денисова, – юное дарование мне подсунуть, как через пять минут уже обратно мимо пулей пролетел с выпученными глазами. Только и успел шепнуть, что в мини-

стерство срочно вызывают, и велел нам не терять бдительности, потому как он полагает – этот срочный вызов мог быть сделан для отвода глаз, чтобы комиссия нагрянула в его отсутствие.

– У него с этой комиссией началась паранойя! – воскликнул Гуров.

– Да, да, верно, – закивал Крячко. – Так что можешь ехать к своему Ковальчуку. Я, как старший, тебя прикрою.

Гуров уже собирался так и сделать, намереваясь обернуться раньше возвращения Орлова из министерства, но в этот момент у него зазвонил телефон.

Потревожила полковника Водопьянова, которая трагически-унылым голосом, свойственным женщинам, только что потерявшим мужа, сообщила:

– Вы знаете, у нас крайне неприятное событие! Я так и знала, что этим все дело не кончится!

– Что произошло? – напрягся Гуров, почувствовав, что она сейчас скажет что-то важное.

– Кое-что пропало. Пистолет, – тихо добавила Водопьянова.

– Ваш?

– Нет, не мой. Мужа.

– У него был пистолет? Боевой?

– Да, да! – нетерпеливо повысила голос Маргарита Николаевна, досадуя то ли на эти уточняющие вопросы Гурова, то ли вообще на его невозмутимость.

– Пистолет хранился дома? – продолжал спрашивать Гуров.

– Да.

– В таком случае ждите меня у себя дома, – сказал полковник, хотя ему совершенно не хотелось ехать к Водопьяновой.

Однако приходилось действовать согласно пословице «Назвался груздем – полезай в кузов». К тому же появление в деле пистолета, да еще пропавшего, не предвещало ничего хорошего.

Это откладывало его визит к Ковальчуку, и Гуров повернулся к Крячко:

– Стас, слушай, смотайся, пожалуйста, по адресу...

Крячко выслушал его с выражением скептического неудовольствия и хмуро посмотрел в окно.

– Как же так, мы с тобой оба, что ли, главк покинем?

– Ну, так сам же говоришь – Петр в министерство укатил! Так что пока его нет...

– Нет, Лева, ну как так, нарушить приказ начальства... – принялся вовсю отбояриваться Крячко. – Вдруг он раньше вернется? Я могу не успеть!

– Вот если прямо сейчас оторвешь свою задницу от мягкого кресла, то все успеешь! – уже от двери отозвался Гуров и бросил взгляд на часы: – За час можно управиться! Тем более что контора этого Ковальчука здесь недалеко. Давай, Стас, пулей! Я тоже туда и обратно. – И с этими словами он вышел из кабинета.

Крячко, приуныв, подпер правой рукой подбородок и, барабанив пальцами левой по столу, хмуро о чем-то размышлял. Потом взглянул на стажера и понял, что за последнее время его присутствие обрадовало его в первый раз.

– Николай! – напыщенно обратился он к юноше. – Для тебя, похоже, есть маленькое, но очень ответственное поручение!

– Что надо сделать? – с готовностью откликнулся стажер.

– А всего-то ничего. Съездить по адресу, который дал Лев Иванович, поговорить с человеком по имени Ковальчук Игорь Иванович и узнать, где он был вчера в интервале от одиннадцати вечера до трех часов ночи. То есть, как ты понимаешь, надо выяснить, может ли кто-то подтвердить его нахождение в этом месте и в это время.

Николай понимающе кивнул.

– То есть надо установить его алиби! – повысил голос Станислав. – А еще лучше – установить отсутствие такового!

Николай еще раз кивнул.

– И на этом основании привезти этого Ковальчука в главк! – закончил наконец Крячко. – Все понял?

Стажеру пришлось еще раз кивнуть.

– В таком случае, шагом марш отсюда! – скомандовал Станислав, радуясь, что спихнул ненужный ему визит на стажера – раз, и одновременно избавился от его присутствия в кабинете – два. Все складывалось совершенно замечательно.

Стажер Коля Денисов приступил к выполнению оперативного задания полковника Крячко не то чтобы с воодушевлением, но с определенной мерой ответственности. Он важно переступил через порог здания, в котором арендовала офис фирма под незатейливым названием «ДОМ», где, собственно, и находился объект его интереса – Игорь Ковальчук. Сидевшая на ресепшене девица охотно проводила Колю в кабинет.

– Игорь Иванович, к вам, – сказала она.

Сидевший за столом мужчина средних лет кивнул и жестом руки указал Денисову на стул. Коля, дождавшись, пока девица удалится из кабинета, присел напротив Ковальчука и развернул перед ним удостоверение. Ковальчук удивленно поднял брови вверх – такого поворота событий он, по всей видимости, не ожидал.

– Вам надо проехать со мной для беседы в Управление внутренних дел, – произнес казенным голосом Коля.

Ковальчук откашлялся, нахмурился и, выдержав паузу, отрицательно покачал головой:

– Нет, не поеду.

– Почему? – строго спросил Коля.

– Потому что неясно, с какой статьи. Ни ордера об обыске, ни постановления об аресте. Если есть вопросы, вызывайте повесткой, как положено. А если какие срочные дела – так ты бы с оперативниками пришел, или, в особом случае, спецназ бы здесь все двери вышиб. Атак... Нет, не поеду, у меня дела. Повестку давайте...

– Там только поговорить по поводу убийства Водопьянова Алексея... – сделал следующий заход Коля.

– Вот как? Его грохнули? – искренне удивился Игорь Иванович.

– А вы не знали?

– Слава богу, нет, – осторожно произнес Ковальчук. – Вот ты мне сказал, теперь знаю. А то начнется сейчас – то-се, где был, где состоял, в чем участвовал...

Он полез в карман, вынул пачку сигарет, потом поднялся из-за стола, подошел к окну и распахнул форточку. Закурив, вернулся на свое место и протянул:

– Интересные дела. И как же это произошло?

– Это, возможно, вы сами нам расскажете, – насупился Коля. – Только не здесь, а на Петровке, 38.

– Рассказать я это не смогу, даже на Петровке, – возразил Ковальчук. – Ну, если только под пытками... На Петровке сейчас пытаются? – Не дождавшись ответа, он продолжил: – А, ну ты, может, не знаешь пока – стажер ведь. Я правильно понял, что ты стажер?

Коля еще больше насупился.

– Короче, я не знаю, кто тебя так подставил, отправив сюда без бумаг, без постановления, без сопровождения... Так что, Николай, как там тебя по батюшке, придется возвращаться на Петровку, высказать этому начальнику, отправившему тебя, что он, как бы это помягче... – Ковальчук немного подумал, потом поднял палец вверх: – Непрофессионал, вот! А потом, как полагается, прислать повестку, и я уже тогда приду к вам на беседу по поводу Водопьянова. –

Он покачал головой и вдруг перекрестился: – Вот ведь послал боженька проблем с этим Водопьяновым!

Что же касается Коли, то он явно не знал, что делать. Полномочий для задержания Ковальчука у него не было, и в этом Игорь Иванович был прав. Но стажер заметил, что, несмотря на внешне спокойное и даже невозмутимое поведение, у Ковальчука проскальзывала некоторая нервозность.

– Лучше вам все-таки сделать это сейчас, – проговорил он, поднимаясь со стула. – В конце концов, все равно поговорить придется.

– Придется, придется, – согласился Ковальчук. – Просто хочу, чтобы все по форме было. Ничего личного, – прижал он руки к груди. – А тебя просто начальство использует, причем неумело. Это в ментуре... извиняюсь, в полиции, на каждом шагу. Если будешь работать там долго, тоже начнешь молодежь посылать вот так, без разбора, куда попало. Короче, парень, это просто изъяны профессии.

Игорь Иванович затушил сигарету и встал, чтобы проводить стажера Колю до двери. Стажер буркнул «до свидания», прошел мимо девицы у ресепшена и вышел на улицу. Он вынул телефон из кармана, намереваясь позвонить полковнику Крячко – несмотря на то что предприятие потерпело неудачу, Коля не хотел уезжать из офиса Ковальчука и надеялся, что дело все же будет доведено до конца. Однако телефона полковника у него в контактах не оказалось – просто не успел еще взять. Другим же сотрудникам главка, с которыми стажер был знаком, звонить смысла никакого не было, поскольку дело Водопьянова велось неофициально. Иными словами, Коля был просто вынужден вернуться в главк.

А полковник Крячко, спровадив стажера, пребывал в хорошем настроении и ничего не делал, сидя у себя в кабинете. Взяв газету, он принялся разгадывать очередной кроссворд, заварив к тому же чай. В общем, весеннее утро явно удалось. Начальства не было никакого – ни Гурова, ни Орлова, даже от присутствия стажера Крячко ловко увильнул, точнее, использовал с толком, и теперь с чистой совестью мог наслаждаться жизнью. Однако вся эта идиллия разрушилась, когда порог кабинета переступил незадачливый стажер Коля. Увидев, что он вернулся один, Крячко нахмурился и тут же спросил:

– А где подозреваемый?

– Он сказал, что вы непрофессионал, и потребовал постановление об аресте или повестку.

– Это ты непрофессионал! – возмущенно рявкнул на стажера Станислав. – Ты провалил задание!

– Вообще-то он с формальной точки зрения прав, – потупив глаза, заметил Коля. – Процессуальные нарушения налицо, нужно или повестку, или постановление.

– Процессуальные?! Нарушения?! – Возмущение Крячко достигло кульминации. – Да чего ты понимаешь во всем этом?!

Коля ничего не отвечал, он всем своим видом демонстрировал, с одной стороны, вину за невыполненное задание, а с другой – упрямую убежденность в формальной правоте сказанного.

Раздраженно отложив газету с кроссвордом и посмотрев на часы, Крячко рванулся к вешалке, где висела его куртка.

– Поехали, я тебе покажу, как с процессуальными нарушениями бороться.

Полковник и стажер вышли во двор главка, Крячко размашистыми шагами промаршировал до служебной машины и вскоре уже важно крутил руль. Стажера он со строгим выражением лица заставил пристегнуться ремнем безопасности, а потом долго разглагольствовал о том, что в полиции не место формалистам и мямлям. Параллельно отпустил пару фраз о том, что столь важная птица, как полковник главка, снисходит до такого пустячного дела, как поездка к подозреваемому Ковальчуку, только в педагогических целях. И что все, что Коля

увидит сейчас, – это мастер-класс, который он будет вспоминать долгие годы – если, конечно, соберется все-таки посвятить свою жизнь работе в полиции.

Мастер-класс, однако, не состоялся – во всяком случае, в те сроки, которые Крячко обещал Коле. Девушка на ресепшене была по-прежнему на месте, а вот ее непосредственного начальника обнаружить не удалось. И сама девушка была удивлена этим обстоятельством – она подергала ручку закрытой двери кабинета, где Коля с Ковальчуком вели беседу, и пожала плечами:

– Как же он вышел? Мимо меня, что ли? Когда я выходила? Вообще-то он всегда прощается...

Крячко поводил желваками, стараясь не смотреть на стажера Колю, который слегка повеселел и стал воспринимать ситуацию как нечто комичное, и грубовато спросил:

– Так, а ты куда выходила?

– Ну как... – растерялась та. – В туалет.

– Где он живет? Ковальчук этот? – вздохнул Крячко.

Девушка подняла глаза на какие-то бумажки, которые были развешаны на стене, пробежала по ним глазами.

– Нет, здесь нет его адреса. Сейчас я в компьютере посмотрю.

Крячко нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Девушка довольно долго, как показалось полковнику, рыскала по каким-то файлам, но наконец нашла адрес и продиктовала его. Крячко присвистнул – это было на другом конце Москвы. Но делать нечего – он позвонил Гурову, неопределенно, не вдаваясь в детали, проинформировал его о том, что Ковальчук «следит» и что он вместе со стажером едет его «брать» в другом месте. Гуров, по всей видимости, был занят своими делами и не стал особо вдаваться в подробности.

После этого они вместе с Колей сели в машину и отправились по данному девушкой адресу. Дверь им открыла несколько изможденная женщина лет сорока. Она устало оглядела Крячко и стажера и сразу спросила:

– Вы из полиции?

– Да, а почему вы так решили? – Крячко без приглашения зашел в квартиру, воспользовавшись свободным пространством.

– Вы похожи... – все так же бесцветно и устало ответила хозяйка квартиры.

– А где Игорь Иванович?

– Его нет, можете не заходить. А то натопчете только, а мне потом убирать.

– Где же он? – решил вступить в игру стажер Коля, оставшийся на лестничной площадке.

– Откуда мне знать? А вы мне скажете хотя бы, что случилось? – ответила вопросом на вопрос женщина.

– Вас как зовут? – приступил к доверительному разговору Крячко, благоразумно решив начать со знакомства.

– Дарья Михайловна.

– Дарья Михайловна, дело в том, что убили шефа вашего мужа, Алексея Водопьянова, – серьезно проговорил Крячко и пристально посмотрел на хозяйку.

Она жестом пригласила их пройти в гостиную и твердо проговорила:

– Я уверена, что мой муж ни в чем не виноват.

– А где он сам? – поинтересовался полковник.

– Я же вам говорила – не знаю, он дома не ночует.

– Вот как? А как же вы уверены в том, что он ни в чем не виноват? – встрял в разговор Коля.

– Гарантию я дать, конечно, не могу, – пожала плечами Дарья Михайловна. – А когда его убили и как?

– Два дня назад, ночью, – быстро сказал Крячко.

– Ну, гарантию я дать не могу, – повторила жена Ковальчука, – потому что Игорь уже две недели здесь не живет.

– А где он живет?

– Не знаю, но предполагаю. Он долгое время работал у этого Водопьянова, потом они там рассорились, причем мой муж был вроде бы виноват.

– В чем?

– Махинации какие-то, – махнула рукой Дарья Михайловна. – Не знаю, не вникала. Ну, а Игорь – человек довольно упрямый, он считал, наоборот, что его ущемляют, не дают заработать нормально, и пытался компенсировать... В общем, его уволили.

– А почему он из дома-то ушел? – поинтересовался Крячко.

– Потому что... – Дарья вздохнула. – Потому что, пока Игорь работал у Водопьянова, он не пил. Он закодированный. Вроде бы все нормально было, а вот как уволился – нужно было что-то свое создавать. Нервничал, потом вот фирму все же открыл. Но дела шли, прямо скажем, не очень, и он снова начал пить. Это с полгода уже.

– Полгода, – опять встрял Коля, – а ушел он, как вы говорите, всего недели две назад?

– Потому что он пришел совсем пьяным и устроил скандал. До этого такого не было. А тут он вроде как встретил этого Водопьянова в ресторане, повздорил с ним. Сказал, что полиция его арестовала, потом выпустила и вроде как суд должен быть и штраф присудить.

– А вы? – с интересом спросил Крячко.

– А я сказала, что он – дурак. Он взбеленился, полез на меня с кулаками. Слово за слово, ну а потом... он ушел.

– Так куда он ушел-то, Дарья Михайловна? – почти ласково спросил Крячко.

– Скорее всего обретается у Гришки. Григорий Николаев, такой же алкоголик, только никогда, в отличие от моего Игоря, не завязывавший. – И Дарья Михайловна продиктовала адрес.

– А почему именно у Гришки? – быстро записав его, поинтересовался Стас.

– Потому что больше ему особо не к кому пойти. И бухать постоянно можно только у него.

– Игорь Иванович сегодня выглядел вполне трезво. И даже не с похмелья, – покачав головой, сказал Коля.

Крячко внимательно посмотрел на него, потом на Дарью Михайловну.

– Он может выпить вечером, а утром быть как огурец, – объяснила она. – Просто в какой-то момент это уже превращается в постоянную выпивку. Значит, не дошло еще.

– Так почему все-таки у Гришки? – повторил вопрос Крячко.

– Родителей у него нет, они умерли. С родственниками он не поддерживает отношений. Да и нет там никого, кто бы стал терпеть его неделями. А с Гришкой они давно знают друг друга. Тот тоже женат был, но давно развелся.

Крячко понимающе кивнул Коле и пошел к двери. На пороге все же задержался и спросил:

– А почему вы считаете, что Игорь не причастен к убийству своего бывшего шефа?

– Я прожила с ним много лет. Просто интуитивно чувствую.

На лице Крячко отразился ничем не прикрытый скепсис по поводу женской интуиции, ни на чем реальном, по его мнению, не основанной. Но он ничего не сказал, просто подтолкнул стажера к выходу и попрощался с Дарьей Михайловной. Когда они вышли на улицу, Коля спросил:

– А вы как считаете насчет Ковальчука?

Полковник посмотрел на него и показал пальцем на пассажирское сиденье:

– Я считаю, что сейчас поедем брать.

Стажер с воодушевлением открыл дверцу машины и сел впереди. Ему, несмотря на то что Крячко обращался с ним, прямо скажем, не очень церемонно, польстило, что он сейчас поедет брать подозреваемого вместе с полковником. Однако Крячко, посмотрев на адрес Григория Николаева и сопоставив с тем, где они находились, остановил машину у ближайшей станции метро:

– Так, стажер! Марш на выход и на метро возвращайся в главк!

На лице Коли отразились изумление и разочарование.

– Так надо, – сурово сказал Крячко. – Подожди... В главк можешь не ехать, а сразу домой. На сегодня хватит с тебя. – И уже в спину недовольному Коле сказал одобрительно: – Вопросы грамотные у тебя были... Ну, почти... В общем, до завтра.

Стажера Крячко удалил отдела намеренно. Стас не хотел, чтобы Ковальчук и его друг-алкоголик Гриша с самого начала знали, что к ним пришли из полиции. Он не знал, как конкретно развернется ситуация в том месте, куда направлялся, но интуитивно чувствовал, что стажер там будет лишним. А в своей интуиции Крячко не сомневался.

Григорий Николаев жил во вполне стандартной московской «хрущевке», единственным достоинством которой было удачное расположение – на довольно тихой и зеленой улочке, в двух кварталах от метро и двух станциях от кольцевой линии. Довольно легко проникнув в подъезд с помощью возвращавшихся домой жильцов, Крячко поднялся на четвертый этаж и тут же услышал довольно громкие мужские голоса за дверью одной из квартир. Собственно, он мог бы и не сверяться с адресом – нужные ему люди находились именно там, откуда эти голоса и слышались.

Он позвонил в дверь, и голоса на мгновение стихли, послышались шаги, и недовольный, явно нетрезвый голос коротко осведомился:

– Кто?

– Да это сосед твой, деньги у тебя занимал, вот отдать хочу, – нашелся Крячко, придавая своему голосу оттенок простоватости и дружелюбия.

– Какой сосед?! – проворчал голос, но приманка дала о себе знать, поскольку дверь все же открылась.

На пороге стоял невзрачный мужичок с вытянутым лицом и некрасивым носом.

– Ты сосед мой, что ли? – удивился он.

Крячко тут же отодвинул его в сторону и промаршировал в комнату, невзирая на раздавшиеся за его спиной протесты. В комнате полковник увидел уже более упитанного и мордастого джентльмена. На столе, как и предполагалось, стояла выпивка и была разложена закуска.

– Ковальчук? – коротко спросил Крячко.

– А твое какое дело? – набычившись, отозвался мужчина.

– Слышь, ты кто вообще? – тем временем грубо взял полковника за рукав хозяин квартиры – видимо, тот самый Гриша Николаев.

– Отстань, к тебе вопросов нет, – так же грубо высвободил рукав Крячко, – у меня к нему вот дела...

– Какие дела?! Ты кто?! – заорал Ковальчук, поднимаясь с места. – Пошел вон отсюда!

– Только вместе с тобой, – ответил полковник, ловко заводя руку Ковальчука назад.

– Эй, ты чего творишь, дядя? – не на шутку встревожился Николаев и навалился на полковника сзади, однако с Крячко не так-то просто было справиться, поскольку он сделал движение задом, которое опрокинуло Николаева на пол.

– Я звоню в ментуру, короче, – отползая, проговорил Николаев и потянулся к мобильнику, лежавшему на столе.

– Не трудись, она уже здесь, – тяжело дыша от натуги, проговорил Крячко, нагнул голову, высвободил руку и ударом с правой отправил Ковальчука обратно на диван. Затем достал свое удостоверение и для пущей важности показал ствол пистолета.

– Мобильник положил обратно, сел на стул, – приказал он хозяину квартиры. – А ты, – указал пистолетом на Ковальчука, – рассказывай, почему обидел стажера.

– Ты это... Ствол-то убери, а потом говорить будем. И вообще...

– Что вообще? – Крячко был откровенно зол на этого Ковальчука, который, можно сказать, испортил весь его день, и собирался отыгаться на нем по полной программе. – Собирайся давай, в главке будем разговаривать. Почему со стажером не поехал?

Ковальчук потянулся за бутылкой, но Крячко грозно преградил путь его руке пистолетом и непрекращаемым тоном изрек:

– Собирайся!

– Ну, я даже затрудняюсь сказать, почему деру дал, – вдруг подал голос слегка протрезвевший и скованный наручниками Ковальчук.

– А я тем более затрудняюсь, – не отказал себе в удовольствии поерничать сидевший за рулем Крячко.

– Да я вообще деру не давал, – снова набычился Ковальчук. – А вы не по закону действуете. Не должен был я со стажером ехать. Вы повесткой должны вызывать. Не убивал я этого Водопьянова, у меня шок был... Мне подумать надо было, а думать я по-трезвому не умею. Выпить захотелось, вот и уехал.

– Ты не только по-трезвому не умеешь, а вообще, – усмехнулся полковник.

– Что вообще?

– Думать вообще не умеешь. Хочешь докажу? Я даже пальцы могу позажимать, только мне неудобно – я машину веду, поэтому пальцы загибай ты. Во-первых, потому что из фирмы этой своей с позором ушел. Во-вторых, потому что бухать начал и жену бросил. В-третьих, потому что, встретив своего бывшего шефа в ресторане, вместо того чтобы не обратить на него внимания, затеял с ним зачем-то драку и «засветился» в полицейском протоколе. Ну, и в-четвертых, как вишенка на торте – зачем-то грохнул Водопьянова. И скорее всего по пьянке.

– Послушайте, все это, может, и правильно... Три пункта. Но вот четвертый – явный перебор. Когда это случилось и где, я понятия не имею. Стажер может подтвердить – я от него первый раз узнал, что Водопьянова больше нет. Жалеть я о нем особо не буду, потому что говно человек, но я не убивал его.

– Где ты был вчера ночью?

– Вот проще простого ответ! – с прояснившимся лицом воскликнул Ковальчук. – Я у Гришки живу уже вторую неделю, у него и был. Разворачивай машину, поехали, он подтвердит.

– Тоже мне, железобетонное алиби – твой алкаш Гришка! Сейчас прямо разверну машину... Насмешил, ей-богу.

– Ничего вы мне не пришьете... – Ковальчук мрачно уставился в лобовое стекло. – Вот чертов хрен! Из-за него влип в такое дело! Козлина жадная, блин!

– Кто? Водопьянов?

– А кто же? О покойниках хотя плохо не говорят, но мне на это наплевать. Я говорю – может, к детям своим и хороший был, а у него их целый вагон. Для детей своих нас и обирал.

– Нас? – удивился Станислав.

– В фирме было четыре человека: Водопьянов, Бортников, я и Макс Волков. Он, правда, там работает до сих пор, а на мое место девку какую-то взяли. Кстати, их бы и проверили – Макс тоже недовольство высказывал, но осторожничал, место терять не хотел. И девка эта за полгода наверняка прочухала, что ее там «обувают».

– С секретаршей почему не попрощался, когда уходил?

Ковальчук непонимающе воззрился на Крячко. И пожал плечами:

– Не помню.

Приехав в главк, Крячко продолжил допрос:

– Ну, расскажи, за что убил своего бывшего шефа? Что не поделили-то?

– Да не убивал я его, – хмуро отозвался Ковальчук. – Там, в фирмешке его этой, все в основном делили между собой Водопьянов и Бортников, а мне доставались лишь крохи с барского стола. Они там все так обставили. Ну, я решил это дело исправить, с клиентурой мутить начал.

– Короче, давай по делу, – стукнул по столу Стас. – Значит, в ночь убийства ты был на квартире у Гришки Николаева. И никто, кроме Гришки, это подтвердить не может?

Ковальчук отрицательно покачал головой.

Глава 6

Маргарита Николаевна выглядела, прямо скажем, неважно, когда ее увидел Гуров. В домашней обстановке она казалась какой-то серой, невзрачной и потухшей. Квартира Водопьяновых, напротив, смотрелась весьма презентабельно – классический для московского среднего класса гламурный евроремонт и современная мебель.

– Проходите, – проговорила хозяйка безвольным голосом и отступила в глубь прихожей.

Затем она как-то вяло предложила полковнику кофе, от которого он тут же отказался – время было дорогое.

– Итак, давайте по порядку, – начал Гуров. – Где был пистолет?

Водопьянова провела полковника в дальнюю комнату, которая служила кабинетом ее погибшему мужу, и указала на ящик в письменном столе:

– Здесь он лежал. А сейчас нет.

Гуров подошел и заглянул в ящик. Там были какие-то бумаги, ручки, другие канцелярские принадлежности, а также парочка грамот, выданных Водопьянову Алексею Викторовичу по различным поводам, вроде того, что он был признан «предпринимателем месяца» по версии префекта Северо-Западного округа столицы.

– Что за пистолет был, Маргарита Николаевна? – поинтересовался Лев. – И откуда он, кстати, у вашего мужа?

– Вроде бы это был какой-то импортный, итальянский... Я не помню точно. А откуда? Он давно появился, я еще спросила у мужа – зачем, а он сказал, что у него бизнес, может быть всякое... Хотя он лежал себе и лежал, не помню, чтобы он брал его когда-нибудь.

– А ключ от ящика где?

– У мужа, – ответила Водопьянова. – И у меня еще запасной.

– Запасной где хранится? – быстро спросил Гуров.

– Как где? – растерялась Маргарита Николаевна. – Ну, где и все остальные...

– А остальные?

Водопьянова показала в сторону коридора. Гуров вышел туда и увидел на стене шкафчик, внутри которого висело несколько ключей. Шкафчик, разумеется, не запирался, следовательно, ключ мог взять кто угодно из домашних, да и гости Водопьяновых при большом желании могли им завладеть или сделать слепок.

– А когда вы видели этот пистолет последний раз? – уточнил он.

– Да вчера только! Мне были нужны бумаги Алексея, поэтому я заглянула в его стол. И вчера пистолет был на месте, это совершенно точно! А сегодня нет.

– А что говорят члены семьи по этому поводу?

– В том-то и дело, что я ни с кем не смогла поговорить! – раздосадованно произнесла Маргарита Николаевна. – Кристина с Костей с утра ушли в институт, а Марина – на работу. Галина еще вчера уехала к себе, не ночевала у нас... Так что я и посоветоваться-то ни с кем не могла.

– А кто вообще был за это время у вас в квартире?

Водопьянова подумала и со вздохом ответила:

– Мой бывший муж Геннадий.

– Вот как? – вздернул брови Гуров. – Он мог взять пистолет?

Маргарита явно растерялась:

– Да зачем он ему?

– Пистолет лишним не бывает, – с усмешкой сказал полковник. – Во всяком случае, для человека, который что-то замышляет или чего-то опасается.

– Но Гена никого не боится. А замышлять он может... только новые места, которые хотел бы посетить.

– Он путешественник? – еще больше удивился Гуров.

– Да, автостопщик. Собственно, на этой почве мы и развелись. Он нигде не хотел работать, хотел вести жизнь свободную, как птица.

– Сколько ему лет?

– Сорок восемь.

– И он все еще автостопствует?

– Уже гораздо меньше. Наверное, здоровье не то.

– Так все-таки зачем он приходил к вам?

– Он мне сначала позвонил, просто спросил, как дела, ничего особенного, общие вопросы, о детях поинтересовался. А я не в состоянии была отвечать, он спросил, что случилось, и я ответила, что Алексей погиб.

– То есть он вам позвонил случайно сразу после того, как все это случилось, – уточнил Гуров.

– Нуда, – растерянно заморгала Маргарита Николаевна, не совсем понимая, к чему клонит полковник.

А тот просто повторил предыдущий вопрос:

– Так о чем вы говорили? Что он хотел?

– Ой, да я так и не поняла, что конкретно. Зашел, типа, посочувствовать, все сокрушался – как же я теперь буду одна, с детьми.

– Ну, дети уже довольно взрослые, – заметил Гуров.

– Да какие они взрослые?! Им еще учиться и учиться! Уму-разуму набираться!

– Ладно, вернемся к вчерашнему вечеру. Сколько пробыл в квартире ваш бывший муж и был ли он в комнате, где хранился пистолет?

– Нет! Это же кабинет Алексея! Что там Гене делать?

– А вы его где принимали?

– В гостиной. Чай ему налила.

– А чай вы ходили на кухню готовить, – тут же подхватил Гуров. – А Геннадий где в это время был?

– Да, но он... Это было всего минуту... Ну да, один он сидел... – совсем растерялась Маргарита Николаевна.

«Теоретически он мог взять пистолет, – подумал Гуров. – Но зачем это ему? Надо бы выяснить, что это за птица свободного полета, и желательно поподробнее». Он спросил у Водопьяновой адрес бывшего супруга и выяснил, что тот живет вместе с мамой в спальном районе. Но в Москве, по ее словам, он бывает не так часто, поскольку одержим жадой путешествий. Жаловался только, что в связи с падением курса рубля подобное проведение времени становится все более напряженным. На вопрос же об источниках средств для поездок Маргарита Николаевна отмахнулась и сказала, что с его богатым опытом он умудряется вообще в поездках ничего не тратить. Что-то, по ее словам, он также зарабатывает в Интернете, но что конкретно, она не знает. И вообще, она не очень-то заинтересована в общении с ним, и инициативу для встреч всегда проявлял именно Геннадий, кстати, не так часто. А то, что его звонок так неожиданно совпал со смертью Алексея – это скорее всего совпадение...

– Мне бы побеседовать с вашими домочадцами, – сказал полковник, когда тема с пистолетом и бывшим мужем была исчерпана.

– А зачем? – пожала плечами Водопьянова. – Впрочем, если надо, то они соберутся во второй половине дня. Сейчас дети заняты – в институте и на работе.

Когда Гуров вернулся в главк, он, к своему удивлению, обнаружил запертый кабинет – не было ни Крячко, ни стажера Коли, равно как и самого генерал-лейтенанта Орлова, который,

видимо, до сих пор находился в министерстве. Решив воспользоваться паузой – текущие дела были вылизаны и вычищены до блеска в преддверии комиссии, – Лев спустился в буфет перекусить, а заодно и поразмыслить о деле Водопьянова. Пока что никакой четко выстроенной версии у него не было.

Вернувшись к себе, он обнаружил, что кабинет уже обитаем – кроме Крячко там сидел мордастый краснолицый тип в наручниках.

– Что за персонаж? – кивнул Лев в его сторону.

– Лева, я тебе подозреваемого приволок, что хочешь с ним, то и делай, – радостно сообщил Крячко.

– Кто это?

– Как кто? Ковальчук Игорь Иванович, мы со стажером с ним сегодня намучились. Напасть на меня пытался.

– Серьезно, что ли? – недоверчиво спросил Гуров.

– А то нет! – демонстративно повысил голос Крячко. – И алиби на время убийства у него нет.

– Есть алиби, – буркнул Ковальчук, запал которого, впрочем, на глазах остывал – сказывалось опьянение и усталость от событий этого дня. Он сонно поклевывал носом и все норовил уронить голову на грудь.

– Алиби у него – показания его дружка Гришки, с которым он бухает вот уже третью неделю, – пояснил Стас. – В общем, Лева, теперь это твой клиент.

Гуров посмотрел на часы – в принципе время для беседы с Ковальчуком у него было. Правда, генерал-лейтенант Орлов уже вернулся в главк из министерства. Неизвестно, что он там делал, однако никого «на ковер» вызывать не стал и вообще выглядел довольно благодушно, так что Гуров решил, что сможет спокойно пообщаться с Ковальчуком.

– Так, Стас! – обратился он к Крячко. – Доставай бланк протокола, сейчас допросим его по всей форме.

Крячко зашуршал бумагами, захлопал ящиками стола, с шумом отодвигая и задвигая их, повозился некоторое время, потом выудил откуда-то снизу довольно помятый лист. Гуров не стал выражать своего скепсиса, лишь выразительно посмотрел на Станислава, который развел руками – дескать, ну, не имеется другого.

Гуров собрался уже обратиться к Ковальчуку, как из угла, где он сидел, послышался грохот. Они с Крячко синхронно повернулись: грузное тело Ковальчука под тяжестью опьянения рухнуло со стула на деревянный пол.

– Епт! – воскликнул Станислав, рванувшись к Ковальчуку, рывком поднял его.

Ковальчук что-то пьяно промычал. Крячко, шепотом матерясь, попытался усадить его на стул, однако тело Ковальчука, обмякшее и безвольное, норовило снова сползти. Плюнув, Стас отволол его в угол и бросил там.

– Сморило бедолагу, – усмехнулся Гуров.

– Да уж, конечно! Столько дней подряд бухать! Жена говорила, что он до определенного момента держится огурцом, а потом его вот так кроет. Так что теперь нужно ждать, пока оклемается.

– Может, прокапать его? – задумчиво проговорил Лев, имея в виду возможность поставить Ковальчуку капельницу с физраствором.

– Еще чего! – возмутился Крячко. – Водиться с этим алкашом! И так проспится!

– Стас, ну это тоже не дело, чтобы он так валялся. Давай его хотя бы куда-нибудь определим.

– Ага, к Орлову в кабинет! – иронично сказал Крячко. – Там и диванчик имеется! Вот Петр Николаевич обрадуется такой компании! А то ему скучно одному.

Гуров подумал и махнул рукой, рассчитывая, что Ковальчук скоро проспится и придет в себя. Однако он не проснулся вплоть до вечера.

Около четырех часов дня Орлов вновь покинул главк, и с его отъездом отпадала необходимость торчать в управлении положенное время. Гуров прикинул в уме, как лучше поступить.

Ему предстояло снова поехать к Водопьяновой, чтобы на сей раз побеседовать со всеми многочисленными домочадцами, один из которых, по всей видимости, имеет отношение к пропаже пистолета. Поэтому Лев распорядился, чтобы Крячко стерег Ковальчука, пока тот не проснется, а потом дожидаться его возвращения, чтобы уже с трезвым проводить допрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.